

Луис Броули

Пропавший

Последние приключения
Юджи Кришнамурти

He-2

Луис Броули

**Пропавший. Последние
приключения Юджи
Кришнамурти**

«ИД Ганга»

2011

УДК 123.1
ББК 86

Броули Л.

Пропаций. Последние приключения Юджи Кришнамурти /
Л. Броули — «ИД Ганга», 2011 — (He-2)

ISBN 978-5-9906856-7-3

Юджи (У. Г.) Кришнамурти – наиболее радикальный и шокирующий учитель, не вписывающийся ни в одни существующие духовные и светские рамки и представления. В 49 лет с ним произошла грандиозная мутация, впечатляюще изменившая его восприятие, работу всех органов чувств и физиологию тела. Все накопленное знание было полностью выметено из него, в том числе и представление о независимом «я» и противостоящем ему обществе. Автор этой книги описывает «парадоксальную истину», ярким воплощением которой был Юджи (У. Г.) Кришнамурти, во всей ее беспощадности, рассказывая о событиях и своих переживаниях, происходивших в присутствии этого учителя с 2002 года и вплоть до оставления им тела в 2007 году. Это честное описание человеческого существа, которому действительно удалось выйти за рамки как обычного человека, так и святого – за пределы царства диктата мысли.

УДК 123.1
ББК 86

ISBN 978-5-9906856-7-3

© Броули Л., 2011
© ИД Ганга, 2011

Содержание

Предисловие редактора русского издания	6
По дороге с Юджи Кришнамурти	8
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	35
Глава 10	38
Глава 11	41
Глава 12	45
Глава 13	48
Глава 14	55
Глава 15	58
Глава 16	61
Глава 17	66
Глава 18	69
Глава 19	72
Глава 20	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Луис Броули
Пропаций
Последние приключения
Юджи Кришнамурти

Louis Brawley

Goner

The final travels of UG Krishnamurti

Все права защищены.

© Louis Brawley. 2011

© Non-Duality Press. 2011

© Издательский Дом «Ганга». Перевод, оформление. 2015, 2016

«Настоящий учитель загонит тебя в угол, перекроет все пути к спасению».

Юджи Кришнамурти

Предисловие редактора русского издания

Перевод книги с английского языка сделан на основе неизданного первоначального авторского варианта (где Юджи Кришнамурти показан куда более шокирующе), с использованием опубликованной издательством *Non-duality press* сокращенной версии, в которой некоторые моменты изложены более понятно. Материалы, не вошедшие в печатное английское издание, увеличили объем книги более чем на треть. Русскоязычному читателю предоставляется очень редкая возможность ознакомиться с честным описанием человеческого существа, которому действительно удалось выйти за рамки как обычного человека, так и святого – за пределы царства диктата мысли. «Вышедших за рамки» последователи и почитатели обычно снова в эти рамки запикивают в своем представлении, обрезая все то, что в них не вписывается, и добавляя свои «духовные» фантазии. И в итоге получается нечто вполне благообразное – эдакий сахарный «петушок на палочке», – но уже далекое от оригинала. Рамакришна, Рамана Махарши и многие другие не избежали подобной участи. Но в этой книге Юджи описывается таким, каким он действительно был в свои последние пять лет жизни, и потому она особенно ценна.

Константин Кравчук

Вы пытаетесь представить меня религиозным деятелем, каковым я не являюсь. Вы не можете понять то самое важное, что я подчеркиваю. В том, что я говорю, нет никакого религиозного содержания, никакой мистической подоплеки. Человека нужно спасать от спасителей человечества! Религиозные деятели – они и себя обманывали, и все человечество дурачили. Выбросьте их! Это и есть мужество, потому что оно здесь присутствует, – это не то мужество, которое практикуете вы.

Юджи Кришнамурти

goner (сленг) – человек или предмет, которому невозможно помочь, который не может выздороветь или восстановиться. Чаще всего означает человека, который уже умер или стоит на пороге смерти.

(Словарь современного английского языка Collins)

Юджи часто признавался в любви к американскому андеграундному сленгу. Он не раз вспоминал свою жизнь в Лондоне, когда, не имея ни копейки за душой, с «отсутствующей головой» на плечах, он ходил в Британскую библиотеку и сидел в кресле, где Карл Маркс написал свой «Капитал». Чтобы убить время, он часами читал словарь американского андеграундного сленга. «Goner» (пропащий / конченный человек) – одно из его любимых словечек, которым он называл людей, «вертевшихся» около него.

Факт в том, что вы не хотите быть свободными. Страх потерять то, что вы имеете, то, что вы знаете, – причина ваших

*проблем. Все эти терапии, все эти техники, религии или что-то иное
лишь увековечивают агонию человека.*

Юджи Кришнамурти

По дороге с Юджи Кришнамурти

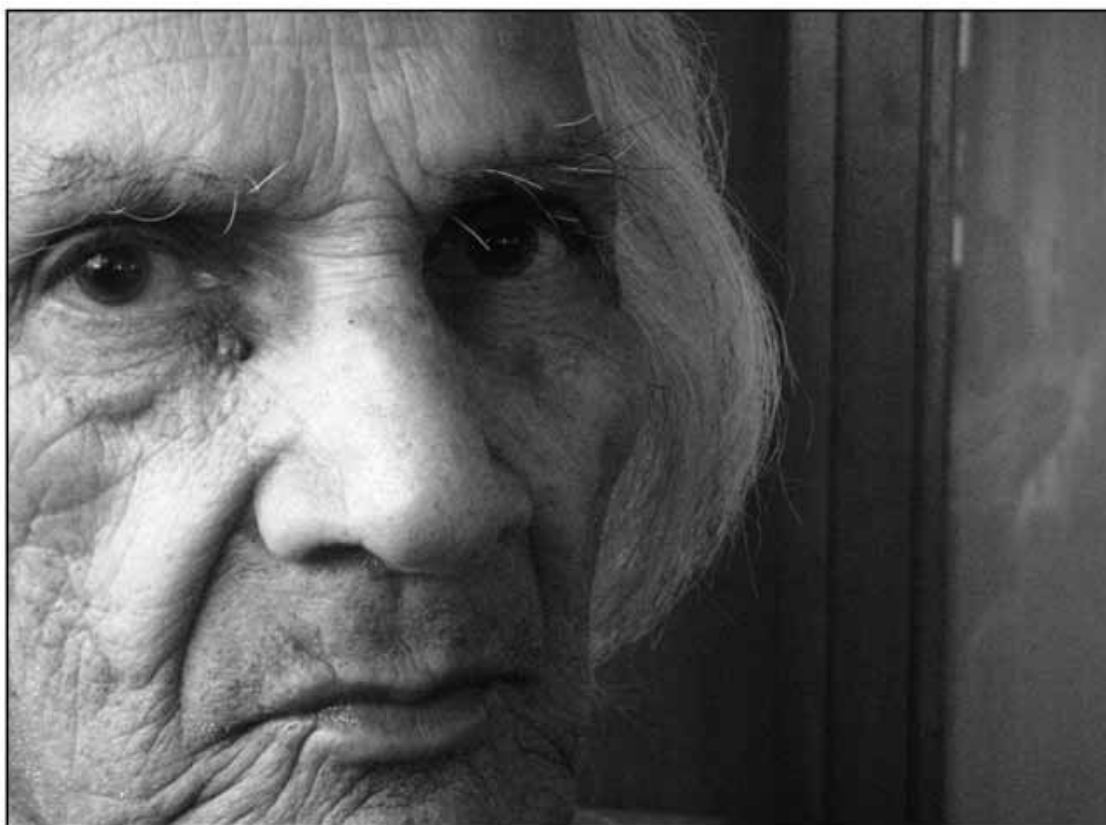
«То, что я говорю, вы не должны понимать буквально. Столько проблем было создано людьми, понимающими мои слова буквально. Вы должны проверять каждое слово, каждую фразу, вы должны смотреть, имеет ли это какое-либо отношение к тому, как вы функционируете. Вы должны проверять, но возможности принять у вас нет – нравится вам это или нет, к сожалению, это факт. Записывая за мной, вы принесете больше вреда, чем пользы. Видите ли, я нахожусь в очень трудном положении: я не могу помочь вам – что бы я ни говорил, это лишь вводит вас в заблуждение».

Юджи Кришнамурти, «Ошибка просветления»

Юджи: Шум, производимый этой кофемашиной, будет для вас гораздо более полезным, чем то, что получится из этого так называемого интервью.

Интервьюер: Почему же?

Юджи: Потому что вы пытаетесь сделать что-то из того, что ничем не отличается от шума кофемашины, в которой кипит вода.

Глава 1

Утром 13 марта 2007 года я вышел из комнаты, в которой умирал Юджи. Переступив порог итальянского сада, я увидел, как косые лучи утреннего солнца пробивались сквозь листья растущей в центре пальмы. Позади меня, закрываясь, лязгнула дверь. Большие, во всю стену окна, задернутые тяжелыми бордовыми шторами, не пропускали свет. Я провел внутри рядом с ним почти восемь недель без перерыва. Это был третий и последний раз, когда он упал, занимаясь стиркой ранним утром 1 февраля. Левая нога, беспокоившая его два года, не выдержала, когда он поднимал ведро. В последующие недели, как и прежде, он упорно отказывался от медицинской помощи, только на этот раз выздоровления не наступало. Мы все сидели рядом с ним, наблюдая, как его лежащее на диване тело без малейшего сопротивления превращалось в тростинку.

Я знал, что никогда не увижу его снова, но до предела вымотанный обязанностями ночного сторожа и медсестры не чувствовал ничего. Наша последняя встреча проходила в молчании – таково было условие посещения. Да это было и не важно: все уже было сказано. После стольких лет, проведенных с ним, необычное стало обычным.

За три дня до этого, перед вторым и последним приездом Махеша, он предупредил меня: «Остались считанные дни, приятель». Прошло почти пять лет с тех пор, как я встретил его, и я все думал, что должен сделать что-то особенное, сказать ему что-то, но ничего не выходило. Другие люди признавались ему в любви, открыто проявляя свою сердечность, а я большую часть времени не знал, что мне делать, и сдерживался, не желая показаться еще большим дураком, чем уже был. Хотя, конечно, он прекрасно знал, о чем я думал и что чувствовал. Я ужасно устал, стараясь быть в потоке с этим человеческим вихрем, дувшим через мою жизнь в течение последних пяти лет, а теперь все подходило к концу. Ветры стихали.

Махеш стоял на дороге, ожидая меня.

– Ну что? – Его зычный режиссерский голос отогнал видение стоящей перед глазами картины финальной сцены.

– Все. Он уже дал мне все необходимое, чтобы я мог получить то, что мне нужно. Мне от него больше ничего не надо, это кажется глупым.

Но что-то нарастало внутри меня.

Страх.

В течение последних недель он не раз, как бы шутя, предлагал мне значительную сумму денег за оказанную ему помощь – ношу, которую, по его собственным словам, он никогда бы не взвалил на себя в отношении кого бы то ни было. Он шутливо называл мое участие в его жизни «кайф добродетеля». Знакомые советовали мне взять деньги, и хотя я знал, что предложение было всего лишь одной из его шуток, это не мешало мне фантазировать на тему того, как бы я себя чувствовал, имея на руках столь кругленькую сумму. Всю жизнь я, как и другие, беспокоился о деньгах, но идея получить «фонд роботов»¹ была одновременно и заманчивой, и смехотворной. Он уже дал столько, что было не унести. Я, конечно, жадный, но не до такой степени.

Встреча с Юджи была просто подарком судьбы после бесконечной череды неудовлетворенности всем, что я видел. Наконец нашелся кто-то, кто действительно имел то, что мне было нужно. И у него этого было в избытке. Он был этим. Это была поистине дикая природа в человеческой форме – бесстрашная, гармоничная и непредсказуемая. Встреча с ним была вздохом облегчения после вечности напряжения. Он подтвердил мои наихудшие опасения относительно всего и при этом являлся олицетворением самой жизни, быющей прямо из источника.

¹ Средства, направленные на разработку роботов или подключенных к Интернету устройств.

Его слова иногда ставили в тупик, но его общество было пронзительным, словно звенящий в лесу колокольчик. Его присутствие уже само по себе было учением. Он был живым настолько тотально, что места для понимания не оставалось. Он был слишком скор для понимания.

Я больше чувствовал, чем понимал это с самого первого момента нашей встречи. Поначалу меня все в нем поражало. Постепенно, по мере сближения с Юджи, мои страдания начали усиливаться, но я верил, что все, что ни делается, к лучшему. Сомнения возникали, когда страдания становились невыносимыми, но это примерно как в хирургии: сначала чертовски больно, а только потом рана заживает. После встречи с ним все изменилось до такой степени, что это изумляет меня по сей день.

По какой-то причине я почти сразу смог сблизиться с ним, и с тех пор моя жизнь понеслась по пересеченной местности в непредсказуемых направлениях, как выскочившие из колеи сани. Он был ускорителем человеческих частиц.

Глава 2

«Моя личная история бесполезна: она не может служить образцом для кого бы то ни было, потому что ваша история уникальна в своем роде. У вас свои условия жизни, свое окружение, свое происхождение – у вас все другое. Отличается каждое событие в вашей жизни».²

Я родился в католической семье в пригороде Средней Америки. Каждое воскресенье я неизменно ходил в церковь, а в остальные дни посещал церковно-приходскую школу. После восьми лет ношения обязательной униформы с рубашкой и галстуком я облегченно вздохнул, перейдя в государственную среднюю школу. Полагаю, религия была своего рода социальной обязанностью, но в моей семье, казалось, все поголовно верили в бородатого дядьку на небесах. Для матери это было более важно, чем для отца, поскольку ему было достаточно подтверждения его тождественности и обещания небесного наследства. Он был стопроцентным ирландцем из Бостона и гордился этим.

Когда мне было шестнадцать, мы переехали в престижный район на Восточном побережье. Переехали на мое счастье, поскольку на старом месте я уже начинал делать карьеру малолетнего преступника. Новое окружение заставило меня более полно осознать тот факт, что растущий средний класс оказывается зажатым между двумя реальностями – бедностью и богатством, словно в прослойке сэндвича. Казалось, мы постоянно стремились к одному берегу и отталкивались от другого. Как бы то ни было, пытаясь избежать пригородной скуки, я стал выпивать и употреблять наркотики, как любой обычный американский подросток, а также, скрываясь в мире литературы, читать Германа Гессе, Карлоса Кастанеду и «Двери восприятия» Олдоса Хаксли. Винсент Ван Гог и Энди Уорхол натолкнули меня на мысль, что профессия художника может помочь мне вырваться из окраины. Главное было – не работать в офисе, как мой отец.

Меня приняли в местный университет, где я взялся за учебу и смог поступить на обучение по специальной премиум-программе.

Однажды профессор по искусству, взявшая меня под свое крыло, вручила мне книгу, написанную человеком по имени Джидду Кришнамурти. Поначалу имя автора меня сильно смутило. Выскользнув из лап католической церкви, я меньше всего хотел иметь дело с каким-нибудь индийским гуру, но из уважения к преподавателю книгу прочел. Автор книги считал сомнение необходимым инструментом при рассмотрении вопроса жизни и духовности. У меня сложилось впечатление, что он пережил то, что называется подлинной трансформацией сознания. Казалось, он действительно мог быть просветленным. Идею просветления я взял из книг Гессе и других авторов, но было что-то такое в его тоне, что заставило меня поверить в его истинность. Во время бесед он не цитировал других людей, а в том, что говорил, присутствовало какое-то особое качество. Могло ли такое быть? Мог ли он оказаться человеком, подобным Сиддхартхе?

«Религия – это скептическое исследование всего нашего существования, которое есть сознание. Ваша медитация абсолютно бессмысленна, если присутствует страх. Непременное условие исследования – свободный ум: там, где есть страх, свободы быть не может»³.

² Эпиграфы и другие цитаты из Юджи Кришнамурти взяты из «Ошибки просветления» (*The Mystique of Enlightenment*), если не указан другой источник. На русском языке книга издана ИД «Ганга» в 2012 г.

³ Lutyens, M. Krishnamurti «The open door». John Murray Publishers Ltd., 1988. p. 37.

То, что он говорил, вызывало во мне резонанс. Это был совсем новый подход к волнующему меня вопросу религии. Я понимал, что в религии что-то есть, но что? Ссылки на пережитые им «необъятные» опыты были интересными, поскольку звучали очень правдоподобно и разумно. «Не принимайте на веру ни слова из того, что вам говорят», – постоянно повторял он, призывая к собственному исследованию. Я никогда не слышал ничего подобного в своей католической молодости: на все существовавшие у меня тогда вопросы я получал готовые и настолько неубедительные ответы, что они рассеивались как в поле дым.

Читая в одной из книг Дж. Кришнамурти диалог между ним и физиком Дэвидом Бомом о ментальной природе происхождения пространства и времени, я почувствовал, словно кто-то залез ко мне в мозг и развернул его в другом направлении.

«Времени нет. И что тогда имеет место? Что происходит? Не со мной, не с моим мозгом. Что происходит? Мы сказали, что когда отвергают время, существует ничто. В итоге этого долгого разговора ничто означает все. А все – это энергия. И мы тут остановились. Но это не конец»⁴.

А затем эти двое продолжали всесторонне рассматривать механизм ума, создающий ощущение времени и пространства. По какой-то причине их слова оказали на меня глубочайшее воздействие. Я никогда не забуду комнату и маленький обшарпанный стол, за которым я сидел, читая этот отрывок. Прежде духовность была для меня просто теорией, но во время чтения у меня возникло четкое ощущение некоего присутствия в комнате рядом со мной. Это чувство было настолько сильным, что мне даже стало не по себе – казалось, что-то или кто-то невидимый разглядывал меня сразу со всех сторон. В результате этого переживания курс моей жизни изменился настолько радикально, что поворот вспять стал невозможным. Я не мог понять, что это было за необычное ощущение, я не мог его объяснить, а уж тем более не мог кого-либо спросить о нем. Я отправился в путь без пути, о котором говорил Джидду Кришнамурти, на поиски абсолютной истины, будучи почти полностью слепым.

Я постарался увидеть его лично как можно скорее. Эта встреча состоялась в Мэдисон-сквер-гарден. Он появился из-за занавески и, выглядя слегка потеряннным, сел на простой складной стул, стоящий перед зрителями. Безупречно одетый пожилой индеец аккуратно подложил трясущиеся руки себе под бедра и молча сидел несколько минут, пока зрители не начали аплодировать.

Он был явно раздражен.

«Чему вы аплодируете, господа? Это не развлекательное мероприятие», – сказал он, поворачивая голову вместе с негнущейся шеей и сканируя взглядом аудиторию. Затем он прикрыл глаза, внутренне собрался и не спеша начал свою речь. В течение последующих полутора часов тишина стояла такая, что слышно было, как пролетает муха.

«Можем ли мы отправиться в путешествие вместе, как двое друзей?»

Он говорил на очень приличном британском английском с небольшим индийским акцентом, завораживая аудиторию тщательно подобранными словами и поощряя ее отвечать согласными взглядами, когда слова находили у нее отклик. Говоря о бедах человечества, о поиске свободы, счастья и истины, он призывал слушателей внимательно всматриваться в эти понятия, следуя за ним слово за словом. Он призывал быть «беспристрастно осознанными» к тем реакциям, которые вызывали его слова.

«Знаете ли вы, что означает изучать? Если вы действительно изучаете, то изучаете на протяжении всей своей жизни, и нет какого-то одного учителя, который бы вас учил. Вас учит все: опавший лист, летящая птица, запах, слеза, богатство и бедность, плачущие люди, улыбка женщины, заносчивость

⁴ Krishnamurti, J. and Bohm, D. Ending of time. New York: Harper and Row, 1985.

мужчины. Вы учитесь у всего, поэтому нет никакого наставника, философа или гуру. Сама жизнь – ваш учитель, и вы в состоянии постоянного изучения»⁵.

«Не верьте мне на слово, господа! Убедитесь во всем сами!»

Он не устал повторять эти слова в каждой своей книге, и, тем не менее, было здорово вживую послушать человека, чья история пробуждения к тому времени стала очень известной. Он был очень необычен, поскольку имел мужество выйти из всемирно известной организации – Теософского общества – как раз тогда, когда оно собиралось провозгласить его учителем мира.

После личного знакомства с Джидду Кришнамурти я уговорил профессора по искусству поехать со мной на его беседы в Охай. Мы расположились в горах в лагере неподалеку. Это было мое первое знакомство со Скалистыми горами. Холмы пестрели лавандой, а дорожные знаки – дырами от пуль. Во время бесед смущал тот факт, что приходилось занимать место на огромной парковке и затем, заплатив за привилегию быть свидетелем бесед бывшего мирового учителя со своими «друзьями», стоять в очереди.

«Если вы рассмотрите природу организованной религии, вы увидите, что все религии в сущности своей одинаковы, будь то индуизм, буддизм, ислам, христианство или коммунизм – другая, самая последняя форма религии. В тот момент, когда вы поймете сущность тюрьмы, – а это значит увидеть суть веры, ритуалов, священников, – вы никогда более не будете принадлежать ни к какой религии; потому что только человек, свободный от веры, может открыть находящееся за пределами всякой веры – неизмеримое»⁶.

Пока мы оставались в Охае, до меня постоянно доходили слухи о разрыве между Джидду Кришнамурти и его бывшим менеджером Раджагопалом, до сих пор жившим при доме. Чего я тогда не понимал, так это того, что существовавшие в моей жизни отношения были очень похожи на те, в которых состоял, как оказалось, этот не-гуру с женой его менеджера в течение двадцати восьми лет. Я не видел поразительного сходства наших ситуаций в определенный момент времени, но тогда я был с головой увлечен этим «благочестивым» человеком.

Как и прежде, он сидел на небольшом возвышении, изредка вытирая аккуратно сложенным белоснежным платком большие слезящиеся выразительные глаза. Из-за болезни Паркинсона руки его дрожали. Слышно было, как ветерок тихо шелестел в дубовой роще, в то время как плотная толпа собравшихся старалась уловить каждое его слово. Он всегда начинал примерно одинаково.

«Если во время слушания говорящего вы просто интерпретируете его слова в соответствии со своими пристрастиями и предубеждениями, не сознавая собственных тенденций в интерпретации, то слово становится тюрьмой, в которую оказывается пойманным, к сожалению, большинство из нас. Но если вы осознаете значение слова и то, что лежит за ним, тогда общение становится возможным. Общение подразумевает не только понимание слов, но и совместное продвижение, совместное исследование, открытость по отношению друг к другу, совместное созидание»⁷.

Он был мастером перформанса, управляющим вниманием огромной толпы, но я чувствовал беспокойство. Дело в том, что мне было скучно и меня отвлекали мысли о женщине из коммуны Ошо Раджниша в Орегоне, пригласившей меня на горячий источник.

⁵ Krishnamurti, J. Think of these things. New York: HarperOne, 1989. p. 10.

⁶ Krishnamurti, J. Think of these things. New York: HarperOne, 1989. p. 149.

⁷ Krishnamurti, J. The impossible question. London: Victor Gollancz, 1972. P. 32.

«Итак, что случилось с вашим умом, с вашим мозгом, который услышал все это – не просто ухватил несколько слов, а действительно слушал, делился, контактировал, изучал? Что случилось с вашим умом, который слушал, относясь с чрезвычайным вниманием к сложности проблемы, осознавая свои собственные страхи, и обнаружил, что мысль возвращает и поддерживает страх, равно как и удовольствие? Что стало с качеством ума, слушавшим подобным образом? Является ли качество вашего ума совершенно отличным от того, каким оно было в начале нашей беседы утром, или это все тот же повторяющийся ум, пойманный в ловушку страха и удовольствия?»⁸

Мне было даже трудно сконцентрироваться, когда я думал о том, сколько, должно быть, теряю. А осознание, что он выше всего этого, лишь ухудшало мое состояние. Уходя с бесед, я уже находился в депрессивном состоянии и ругал себя за отсутствие силы воли. К этому времени я уже завязал с алкоголем и наркотиками, но у меня было четкое ощущение, что он был гораздо более чистым человеком, чем я когда-либо мог бы быть. Мне в голову пришла мысль о том, чтобы устроиться на работу в одну из его школ или взять обет безбрачия, но это означало бы конец моих амбиций как художника и расставание с женщиной, которая меня с ним познакомила. Идея целибата была удобным предложением, чтобы дистанцироваться от нее, но пролитых ею слез оказалось достаточно, чтобы отказаться от обеих идей.

Моя жизнь продолжалась, но что-то в ней поменялось. Я был молод, не уверен в себе, беден и нереализован. Я чувствовал себя потерянным.

В конце концов книги Кришнамурти начали пылиться на полке. Время от времени я погружался в них, пытаясь «ухватить это», может быть, с другой стороны, может быть, через месяц или через год, или через пару лет.

«Если вы не уделите все свое внимание, не отдали все, что у вас есть, выяснению вопроса, что есть мышление, вы никогда не сможете узнать, возможно ли наблюдение без «я». Если вы не можете наблюдать без «я», проблемы продолжатся – одна за другой»⁹.

Как бы я ни старался, в конечном итоге это было похоже на игру в прятки с неизвестным. Потребовалось еще двадцать лет и другой Кришнамурти, чтобы окончательно освободиться от влияния этого человека.

⁸ Krishnamurti, J. The impossible question. London: Victor Gollancz, 1972. P. 36.

⁹ Krishnamurti, J. The impossible question. London: Victor Gollancz, 1972. P. 29.

Глава 3

«Я только что говорил собравшимся, что поклонение быку там, в храме, и поклонение Шиве, все эти дела с лингамом и йони пошли от пещерного человека, для которого секс был лучшим из известных ему удовольствий. Позже у человека случилось переживание блаженства, высшего наслаждения и все поменялось, но первоначально секс был главнее всего. Даже крест являет собой фаллический символ».

История моей жизни представляла собой нанизанные одна на другую реакции на людей, которые, как мне казалось, делали мою жизнь ужасной. Но как бы ни поступали со мной другие, то, что делал с собой я, было гораздо хуже. Подавленность шла изнутри.

После того как наши дороги с профессором разошлись, я прошел еще через ряд отношений, но они, казалось, разваливались раньше, чем успевали начаться. Не могу сказать точно, что было тому причиной – мое нежелание вступать в брак или неготовность оказаться в ловушке, но это всегда чувствовалось как нечто, от чего нужно держаться подальше. Не женщины заставляли меня чувствовать себя в ловушке, а давление общества, принуждавшее меня делать то, от чего я бежал. Наконец я переехал в Нью-Йорк, вернулся в школу, получил ненужную мне степень магистра в области изобразительного искусства и продолжал искать подружек и терапии для решения личных проблем. Программа Двенадцати шагов помогла мне понизить уровень стресса и беспокойства, но вечное подводное течение, лежащее в основе всего происходящего в жизни, казалось, ускользало от меня. Еще лет восемь я пытался медитировать, читать бесконечные книги о духовности и духовных людях, изучать философию и чего еще только не делать, пытаясь решить вопрос моего постоянного беспокойства.

Второй ретрит дзен в северной части штата, напомнивший мне о католической школе, был последней каплей, приведшей меня назад к Джидду Кришнамурти. Кажется, он был единственным, чьи слова не расходились с действием – по крайней мере, он казался чистым. К сожалению или счастью – можно посмотреть на это по-разному – история его секс-скандала впервые привлекла мое внимание уже после его смерти. Я посмеялся над собой. Эта история не была новостью для людей в дискуссионной группе, которую я посещал, были даже те, кто подтверждал ее достоверность, но я ничего не хотел слышать. В конце концов, сказал я себе, его любовница была его близким другом, даже если она и была женой его менеджера. Я успокоил себя идеей о том, что он никогда не выступал против секса, никогда не говорил о браке свысока, так почему бы и нет? Узнать, что ничто человеческое ему не чуждо, что у него есть такие же нужды, как и у меня, было большим облегчением. И даже когда я имел на руках эту информацию, он казался мне слишком возвышенным, чтобы упасть с пьедестала, на который я поставил его, сам того не подозревая.

Я снова проводил время, поглощая его книги одну за другой дома, на работе, во время долгих поездок в метро. Я заказывал аудиокассеты и слушал, как «К» (Джидду Кришнамурти) продвигается «медленно, основываясь на логике и здравом смысле, шаг за шагом», слово за словом... Я вдумывался в каждую фразу, уверенный в том, что, уделив ей достаточно внимания, смогу ухватить «...возможность трансформации того, что есть».

Глядя на эти книги сейчас, я поражаюсь тому, как я их выносил.

Я поехал на ежегодное празднование его дня рождения в Охае. Странно было снова оказаться в этом месте после стольких лет. Профессор давным-давно умерла, Джидду Кришнамурти умер, моя жизнь тоже как-то поменялась, но некоторые вещи, к сожалению, не изменились. Надежда не умерла. Вот только некогда наполненное жизнью и энергией пространство вокруг Дубовой Роши ныне представляло собой лишь пыльные останки былой славы. Трясина

внутренней борьбы за власть в школах и организации, созданной для «сохранения учения в его первозданной чистоте», затягивала все своей болотной тиной. Я встретил людей, приехавших в Охай, чтобы быть рядом с великим учителем, и оставшихся там жить после его смерти. Они говорили о горечи и разочаровании в нем, его школе, его учении. Как такое могло случиться? Один из его домов был превращен в учебный центр, и в нем поселился запах церкви. Его личные документы поместили в хранилище, оборудованное климат-контролем, который гудел словно электростанция, установленная за огороженными подстриженными лужайками. Несмотря на столь грустный финал, я решил поехать в Индию, дабы посмотреть, как обстоят дела в когда-то организованных им школах. Может быть, в них сохранился некий ключ к сердцу его учения. Я поделился своей идеей в чате (где, воруя корпоративные часы, проводил большую часть своего офисного времени), и бывший учитель из школы Дж. Кришнамурти ответил мне, что школы были заполнены раздолбаями, оказавшимися там по воле своих богатых родителей. Что-то в этой картинке было не так. Я только не мог ткнуть пальцем и сказать, что именно.

Глава 4

«Проблема именно в этом: вы боитесь поставить под сомнение самое главное, потому что это разрушит нечто очень ценное для вас – непрерывность того, каким вы себя знаете, каким вы себя воспринимаете».

За день до своей первой поездки в Азию я посмотрел в Интернете погоду в Индии. Температура в Дели доходила до сорока градусов. Меня охватила паника. Я из любопытства собирался пересечь половину земного шара, и теперь повод для поездки уже не казался мне столь убедительным – мне нужна была гораздо более серьезная причина. Я сдал билет, потерял сто долларов и с легкой душой остался дома.

Несколько дней спустя, во время просмотра сайта Джидду Кришнамурти, я обнаружил другого Кришнамурти, чей сайт находился тут же под сайтом Джидду. «Что это? Племянник, что ли? Или какой-нибудь клоун, который косит под великого человека?» – подумал я. К этому времени чат Джидду Кришнамурти потихоньку угасал. Люди убивали время в нудных тягостных разговорах об учении, учителе и эффекте, который он оказывал на учеников, – возникало ощущение, что и без того тонкая бумага истончилась до предела и готова была порваться. Вероятно, участники чата, так же, как и я, просто коротали время, отбывая часы на своей скучной работе. Разговоры о духовности, о том, что имел в виду Кришнамурти в том или ином случае, самопрезентации по поводу личных «пониманий» превратились в скучные разговоры ни о чем.

Понимая, что духовных подражателей пруд пруди, я, тем не менее, от нечего делать открыл ссылку. Сайт с фотографиями и высказываниями этого парня был просто отстойным. Я до сих пор помню разочарование, испытанное мной при взгляде на фото женоподобного мужчины в длинной струящейся одежде, сидевшего с подобранными под себя ногами. Не забывая, мне было скучно, поэтому я продолжал читать. Юджи Кришнамурти был одно время последователем Дж. Кришнамурти, но они не были родственниками. По всей видимости, фамилия Кришнамурти в этой части Индии была такой же распространенной, как Смит. Приверженцы Дж. Кришнамурти записали его в подражатели, и после просмотра сайта я написал в чате Джидду саркастическое замечание по поводу фото Юджи Кришнамурти.

Очень скоро в ответ на мое замечание появилось сообщение, заставившее меня взять паузу. Тон письма был очень вежливым и корректным. Писавший знал обоих Кришнамурти. Он говорил, что каждый раз после его визита к Юджи Джидду Кришнамурти спрашивал его: «Что он говорит?» Тот факт, что Джидду знал о нем и интересовался его мнением, распалил мое любопытство. Я снова полез в Интернет и нашел еще один сайт, на котором были выложены его книги. Можно было читать их онлайн сколько душе угодно. Я иногда задаю себе вопрос, собрался бы я пойти и купить их в магазине?

Он не писал книг и не получал никаких денег от их продажи. Не было никакого упоминания о семинарах, школах или ретритах. Более того, он отказался от авторских прав на первой странице первой книги под названием «Загадка ¹⁰ просветления».

«Мое учение, если именно так вы хотите это называть, не охраняется никаким авторским правом. Вы можете воспроизводить, распространять, истолковывать, искажать, коверкать его, делать с ним что угодно, даже

¹⁰ Юджи прокомментировал, что книгу следовало бы назвать «Ошибка просветления». Под этим названием она и вышла на русском языке в ИД «Ганга» (2010).

называть себя его автором без моего согласия или чьего бы то ни было разрешения».

На следующей странице он приступал прямо к делу:

«Люди называют меня «просветленным» — я не выношу этого определения — они не могут найти другого слова, чтобы описать то, как я функционирую. Вместе с тем я отмечаю, что просветления как такового вообще не существует. Я говорю это, потому что всю свою жизнь провел в поисках, я хотел стать просветленным, но обнаружил, что просветления вообще нет, так что не возникает и вопроса о том, является ли какой-то определенный человек просветленным или нет. Мне плевать на Будду, жившего в VI в. до нашей эры, а тем более на всех прочих претендентов, живущих среди нас. Это кучка эксплуататоров, наживающихся на человеческой легковёрности. Нет никакой силы вне человека. Человек создал Бога из страха. Так что проблема в страхе, а не в Боге».

Не думаю, что когда-либо раньше мне приходилось открывать книгу духовного содержания, в которой автор с первых же строк отказывался от понятия просветления и не пытался тут же заменить его каким-нибудь новомодным словечком. Я продолжил читать дальше, ожидая обнаружить морковку. Лишь гораздо позже я осознал, насколько хорошо я, оказывается, был подготовлен к тому, что принесли мне слова этого человека. Для меня подход Дж. Кришнамурти к духовности представлял собой радикальный уход от традиционных определений духовности или философии, поскольку он общался со своей аудиторией напрямую, не опираясь на другие тексты или практики. История его жизни впечатлила меня не меньше, чем его слова. После смерти Дж. Кришнамурти его любовная связь пробила брешь в моем представлении о нем, но содержание его слов по-прежнему впечатляло.

Но то, что я обнаружил в словах Юджи, было шагом вперед, больше походило на квантовый скачок, поначалу такой незаметный, что я не сразу понял, как это касалось учения Дж. Кришнамурти. Была одна вещь в ранней карьере Джидду, которая докучала мне: стихи, напичканные слащавыми викторианскими фразами о возлюбленном и другом. В этих началах было нечто подозрительно сентиментальное, но в зрелости этот стиль ушел, по-видимому, в результате «процесса», посредством которого некое воздействие, о котором он все еще упоминал в мистических терминах, но исключительно в личных беседах, продолжало «готовить ум» для учения.

С первых страниц «Ошибки просветления» зазвучал свежий голос с интонацией отрицания, отсекавший всякую надежду на мистификацию, нетерпимый к сентиментальным блужданиям духовной поэзии, подобной той, что все еще встречается в печатных журналах Дж. Кришнамурти. Джидду радикально изменил подход к духовности, но Юджи был тем, кто стер само понятие духовности.

Когда его просили прокомментировать подобные вещи, Юджи указывал на бесполезность затасканных духовных терминов, которые всегда были причиной моего раздражения.

В том отрывке было много всего, но одна вещь поразила меня особенно: чувствовалось, что его отказ от просветления был совершенно искренним и окончательным. Помню, как подростком я стоял в глубине храма и думал о том, что если бы Бога не существовало, то его пришлось бы выдумать — уж больно гладко все здесь устроено. Он также говорил о том, что духовные термины используются к месту и не к месту, и мне это тоже всегда претило! Конечно, словами разбрасываться так просто! Но если просветление, о котором все говорят, существует на самом деле, как оно может заключаться в словах? Все, чем меня до сих пор кормили, было только словами. Пока ничто непосредственно не противоречило подходу Дж. Кришнамурти, и все-таки какое-то отличие чувствовалось. В его комментариях было нечто, что оставляло

Джидду далеко позади. Так же, как тот Юджи, я всю жизнь пытался просветлеть тем или иным способом, но сколько бы книг я ни читал, мысль о том, что кто-то может этому научить, казалась мне очень маловероятной. Юджи определил источник поиска в совершенно новом свете и очень просто: «Я не хочу хотеть то, что они хотят, чтобы я хотел». Джидду Кришнамурти никогда не обещал просветления, это правда; фактически, чем больше я читал его книг, тем менее вероятным мне это казалось. Если бы это было так легко, я бы уже давно просветлел лишь благодаря одной своей силе воли и количеству часов, потраченных на чтение. Джидду Кришнамурти всегда намекал на нечто подобное, но никогда никому ничего не обещал. Он вел вас по дороге к подразумеваемой награде, маячившей вдалеке, а остальное зависело от вас. Этот же человек даже не допускал мысли о том, что может вам помочь.

Джидду Кришнамурти никогда так не делал. Он никогда не говорил, что не может помочь. Напротив, он всегда выступал именно как помощь, организовывая школы, проводя беседы, и, тем не менее, несмотря на все его старания, похоже, никто так и не смог оправдать его ожиданий.

Юджи Кришнамурти вырос в зажиточной религиозной семье, в которой о нем заботились бабушка с дедушкой. Его мать умерла вскоре после его рождения, отец ушел и женился во второй раз. С самого детства он занимался медитацией, йогой и подобными вещами и испытал массу духовных переживаний в возрасте от четырнадцати до двадцати одного года, а потом поочередно отказывался от них, обнаруживая лицемерие каждого из своих духовных учителей – никто не жил в соответствии со своим учением – и находя упоминания о подобных переживаниях в прочитанных им книгах. Бывшие в употреблении переживания были для него недостаточно хороши. Достижения других никуда его не вели, поэтому он никогда не опирался ни на чьи слова. Между тем о себе он говорил совсем не лестно.

«Все говорят: „Не злись!“ – а я постоянно зол. Во мне полно жестокости, их слова не соответствуют тому, что есть. То, каким я, по мнению этих людей, должен быть, для меня фальшиво, а поскольку это фальшиво, это сделает фальшивым и меня. Я не хочу жить жизнью фальшивого человека. Я жаден, а они говорят об отсутствии жадности. Тут что-то не так».

Его манера выражаться была необычной. Честность подобного рода редко встречается в бизнесе, где классикой считается предьявление себя в качестве образца «девственной» чистоты с последующим ожиданием толпы клиентов. Этот парень говорил о себе как о человеке, который полон того же, что и все мы: «Я животное, я чудовище, я полон насилия – и это реальность. Я полон желания».

Он описывал мне меня самого, вплоть до последней детали.

Он добрался до описания своей встречи с человеком из Южной Индии по имени Рамана Махарши, который, по его словам, был последним встреченным им «святым человеком». К нему его притащил его друг. Юджи задал вопрос Рамане:

– То, что у вас есть, можете ли вы мне это дать?

– Я могу дать, но сможете ли вы взять? – ответил Рамана.

Этот ответ помог ему сформулировать вопрос, который затем неотступно преследовал его в течение двадцати девяти лет: «Что это за состояние, в котором находятся эти люди?» Он сказал, что никогда больше не ездил к тому человеку, поскольку счел его ответы слишком традиционными. И, тем не менее, в этой встрече было что-то особенное. Юджи сказал, что она помогла ему сформулировать главный вопрос.

Дальше в книге шла информация о его семейной жизни, его карьере общественного лектора в Теософском обществе, и наконец я добрался до части, которая интересовала меня больше всего: его отношения с Джидду Кришнамурти. Еще бы! Если он говорил, что Рамана Махарши был последним святым человеком, которого он встретил, то кем же тогда был для него Джидду Кришнамурти?

В «Ошибке просветления» он дал ответ: «От своего деда я унаследовал Теософское общество, Джидду Кришнамурти и кучу денег».

Итак, он рос в тени человека, который и меня заманил в эту ересь.

Как оказалось, он был способен противостоять человеку, который втянул меня в эту игру поиска, будучи на пике своей энергии. В течение семи лет он участвовал в небольших закрытых дискуссиях и индивидуальных беседах с Джидду Кришнамурти. Его молодая семья, казалось, была обласкана вниманием этого человека. В какой-то момент возникло разочарование, их отношения разладились, и жизнь Юджи начала разваливаться под воздействием его интенсивного исследования учений. Цена, которую он заплатил за свой поиск, говорила красноречивее всяких слов и не шла ни в какое сравнение с комфортными диванными размышлениями и беседами, с которыми многие люди ассоциируют эти вечные вопросы. Ко времени начала «катастрофы» жизнь Юджи была практически полностью разрушена.

Когда Джидду Кришнамурти спрашивали, понимал ли кто-нибудь хоть что-то из того, что он говорил, в ответ всегда звучало громкое «Нет!». И вот передо мной был человек, который, если верить книге, провел рядом с ним годы и теперь поливал его грязью! Такое случилось впервые. Что же произошло? Было ли это просто способом очернить, дистанцироваться от бизнеса известного человека с целью открыть собственную сеть духовных ресторанов?

По поводу Джидду Кришнамурти он сказал: «Он говорил об отсутствии учения, учителей и учеников, а затем отправлялся открывать школы и фонды, призванные *сохранить учение* в их первоизданной чистоте для будущих поколений».

Раньше я никогда так на это не смотрел. По мере продолжения чтения казалось, кто-то «отдергивает завесу» с учения, которое столько лет сбивало меня с толку. Оглядываясь назад, я вспоминаю, что получал несколько рекомендаций от людей прочесть ту или иную книгу, но одного взгляда на фотографию, изображавшую индийца, сидящего со скрещенными ногами, было достаточно, чтобы тут же отвергнуть любое предложение. Я с большим предубеждением относился ко всему, что напоминало стиль Джидду Кришнамурти. К счастью, на фотографиях Юджи не сидел со скрещенными ногами, и у него было довольно здравого смысла, чтобы соблазниться тем же человеком, что и я. Его комментарий по поводу стремления Джидду Кришнамурти сохранить свое учение в чистоте был таким точным, что с моих глаз будто шторы сняли и показали нечто, что было здесь всегда.

После всех этих лет я начал постепенно освобождаться от одержимости, продолжавшейся на протяжении десятилетий.

Кто такой был этот Юджи?

Глава 5

«Меняется вся химия тела, так, что оно начинает функционировать своим естественным образом. Это значит, что все отравленное (я намеренно употребляю это слово) и загрязненное культурой выбрасывается из системы. Оно удаляется из системы, и тогда это сознание жизни (или назови это как угодно) выражает себя и функционирует совершенно естественным образом. Все это должно быть извергнуто из твоей системы; иначе, если ты не веришь в Бога, ты становишься атеистом и проповедуешь атеизм, учишь ему и обращаешь в него. Но эта индивидуальность не является ни теистом, ни атеистом, ни агностиком – она то, что она есть».

Что по мере продолжения чтения убеждало меня все больше и больше, так это ясность послания и история жизни автора. Он следовал учению Джидду Кришнамурти в течение двадцати лет, а теперь критикует его. Неужели я наткнулся на кого-то, кто в конце концов «разорвал» учение Джидду Кришнамурти, к чему тот всегда призывал своих слушателей? Последующее чтение все больше и больше приоткрывало дверь, и все больше света проникало в ранее абсолютно темную комнату сомнений. Если не брать во внимание похожие слова и выражения, которыми пользовались оба Кришнамурти, говорили они совсем о разном. Юджи рассказывал о своем поиске, чего Джидду Кришнамурти никогда не делал, утверждая, что большую часть воспоминаний о своей прежней жизни он потерял после того, как его захватил «процесс». Процесс Джидду Кришнамурти был тайной за семью печатями, которую он никогда не обсуждал на публике и тем более в беседе, что легко приводило прекрасных женщин в полуобморочное состояние. Но я не хочу углубляться в этот вопрос.

Юджи говорил о своем несогласии с учением Джидду Кришнамурти, и именно это вызвало мой неподдельный интерес.

«Затем (в июле 1967 года) наступила другая фаза. Кришнамурти снова был с беседами в Саанене. Мои друзья потащили меня туда и сказали: „Теперь наконец это бесплатно. Почему бы тебе не пойти и не послушать?“ Я сказал: „Ладно, пойду послушаю“. Когда я его слушал, со мной произошло нечто странное – возникло отчетливое ощущение, что он описывает не свое состояние, а мое. Зачем мне нужно было знать его состояние? Он описывал что-то, какие-то движения, какое-то осознание, какую-то тишину – „В этой тишине нет ума; есть действие“ – и все такое. Так вот: „Я в этом состоянии. Какого черта я делал эти тридцать или сорок лет, слушая всех этих людей и борясь, пытаясь понять его или чье-то еще состояние, Будды или Иисуса? Я сам в этом состоянии. Сейчас я сам в этом состоянии“. Затем я вышел из-под навеса, чтобы больше уже никогда не вернуться.

Потом – очень странно – этот вопрос „Что это за состояние?“ преобразовался в другой: „Откуда я знаю, что я в этом состоянии, состоянии Будды, состоянии, которого я так хотел и требовал от каждого? Я в этом состоянии, но как я могу знать это?“

На следующий день (сорок девятый день „рождения“ Юджи) я сидел на скамейке под деревом, с видом на одно из самых прекрасных мест, семь холмов и семь долин (в Сааненланде). Я сидел там. Было бы неверно сказать, что меня беспокоил вопрос, нет – все мое существо было одним вопросом: „Откуда я знаю, что я нахожусь в этом состоянии? Внутри меня присутствует какое-то

явное разделение: есть кто-то, кто знает, что он находится в этом состоянии. Знание об этом состоянии, представляющее собой все, о чем я читал, что испытал, о чем они говорили, – именно это знание смотрит на это состояние и именно оно спроецировало это состояние“. Я сказал себе: „Послушай, старина, за сорок лет ты не сдвинулся ни на шаг; ты все там же, в клеточке номер один. Это то же самое знание, что спроецировало твой ум туда, когда ты задал этот вопрос. Ты в той же самой ситуации и задаешь тот же самый вопрос: «Откуда я знаю?», потому что это знание, описание этого состояния другими людьми создало для тебя это состояние. Ты дурачишь себя. Ты чертов дурак“. Итак, ничего. Но все же было некое особое чувство, что это то самое состояние.

На второй вопрос: „Каким образом я знаю, что это именно то состояние?“ у меня не было никакого ответа, а вопрос все продолжал вращаться в бесконечном водовороте. Потом вопрос внезапно исчез. Ничего не произошло; вопрос просто исчез. Я не сказал себе: „О боже! Теперь-то я нашел ответ“. Даже состояние исчезло – то состояние, в котором, как я думал, я нахожусь, – состояние, в котором пребывали Будда, Иисус, – даже это исчезло. Вопрос исчез. Для меня все закончилось, вот и все, понимаете. Это не пустота, не отсутствие, не вакуум, это не является ничем подобным; вопрос вдруг исчез, вот и все.

Это не-событие вызвало внезапный „взрыв“ внутри, который словно взорвал каждую клетку, каждый нерв и каждую железу в моем теле. И с этим „взрывом“ исчезла иллюзия, что существует продолжительность мысли, что есть центр, есть „я“, связывающее мысли».

Никогда раньше я не встречал подобного описания. Откровения о личном опыте пробуждения Джидду Кришнамурти были совсем другими, в них было много тайны, и он никогда его открыто не обсуждал. То, о чем говорил Юджи, было настолько просто, что можно было легко упустить главное: он просто-напросто отказался прекращать поиск до тех пор, пока тот полностью не закончился, не завершился, не стал невозможным.

Пока не всплыла вся правда о Джидду Кришнамурти, я был влюблен в образ человека, жившего, как мне казалось, безупречно чистой жизнью. Его организация и все его книги поддерживали эту картинку вплоть до его смерти. Юджи в свою очередь не пытался создать красивый образ себя, вместо этого он подчеркивал свои недостатки и неврозы. Он был шокирующе прямолинеен. Читать о нем было все равно что наблюдать за вырвавшимся из-под контроля огнем.

Похоже, кому-то все же удалось сделать то, к чему постоянно призывал своих последователей Джидду Кришнамурти: «Разорвите это в клочья, господа!» Джидду Кришнамурти словно подготовил почву для того, чтобы этот парень мог прийти и взорвать все изнутри. Однажды во время одной из встреч он спросил Юджи: «Дом в огне, сэр! Что вы будете делать?» Тот ответил: «Подолью еще бензина и сожгу его дотла!»

Оглядываясь назад, я вижу, что мой уход от Джидду Кришнамурти к Юджи оказался для меня серьезным потрясением. Что мне было делать с этой информацией? Я продолжал читать, не в силах оторваться от нее.

Юджи настаивал на том, что перемены, произошедшие в его теле в результате так называемой катастрофы, не имели никакого отношения ни к мистике, ни к духовности. Он говорил о них как о физиологических, физических процессах. Они не были связаны с какой-либо практикой, даже с «невыбирающим осознанием» Джидду Кришнамурти – Юджи зашел настолько далеко, что начал насмехаться над ним. Юджи стоял на позиции невозможности обнаружения пункта, с которого можно было бы добраться до конечной станции. Он говорил, что ничего из того, что он делал ранее, не могло привести его к этому. Он утверждал, что все его

попытки понимания только блокировали естественное функционирование тела. В свете сказанного любое обещание кого бы то ни было привести к духовному пробуждению неизбежно оказывалось ложью. Пробуждение само по себе было ложью, оно было идеей, сфабрикованной для поддержки учителей, процветающих на «легковерии и доверчивости народа».

По его мнению, до тех пор, пока идея просветления не будет выдворена из нашей системы, она будет только вводить нас в заблуждение, а как только она будет выдворена, исчезнет также и нужда в ней. Удивительно, что в случае с Юджи она, казалось, отпала сама собой. Его слова по этому поводу были схожи со словами Джидду Кришнамурти: тот указывал примерно в том же направлении, но вот их действия отличались кардинально. Джидду Кришнамурти никогда не говорил о жестокой безнадежности предприятия, он клеймил гуру и их ложные обещания и при этом продолжал основывать школы имени себя. Юджи не создавал ничего, кроме бунтарского отношения, он отказывался успокаивать людей, и это казалось весьма привлекательным.

«То, чего ты ищешь, не существует. Ты бы с большим удовольствием ступил на зачарованную землю с блаженными видениями радикальной трансформации этого несуществующего «я» в состояние, вызываемое некими чарующими фразами».

Таким образом, Юджи Кришнамурти только усугубил смутное разочарование, с которым я боролся годами. Ходили слухи, что любое упоминание о Джидду Кришнамурти приводило его в ярость, но, как позже заметил Юджи, «старик» (так он иногда называл Джидду Кришнамурти) говорил, что если такая штука случится, то она окажется потрясением для всего организма до самого последнего нерва, до последней клетки, а это именно то, что случилось с ним. Можно только догадываться, какова на самом деле была роль Джидду Кришнамурти. Вне всякого сомнения, он был блестящим духовным учителем, но Юджи говорил, что произошедшее с ним оказалось для его системы шоком такой силы, что подготовиться к нему было невозможно. Джидду Кришнамурти говорил о «возлюбленном» и «ином», когда описывал красоту созерцания одинокого дерева, наблюдения за облаками и слушания журчания реки. Юджи резко реагировал на такие сантименты:

«Для человека, ожидающего чего-либо подобного, это будет катастрофой!»

Юджи говорил, что вы даже дерево не можете увидеть, а если вы его все-таки хоть раз увидите, то свалитесь замертво. Джидду Кришнамурти был специалистом по изучению работы ума, разоблачая ограниченность мысли с поразительной ясностью, но эффект слов Юджи был еще более глубоким. Юджи был грубым, яростным и прямым, но эффект был глубже, чище и тоньше, чем я полагал поначалу. Я думал, что видел ограниченность мысли, но определенные моменты, касающиеся образа жизни Джидду Кришнамурти и его подхода, ставшие очевидными благодаря Юджи, я раньше даже не замечал. Было даже неловко за свою легковёрность. В том, что говорил Юджи, не было никакой поэзии. Он старался полностью убрать всякий налет таинственности.

«Это одна из причин, почему я выражаю это чистыми и простыми физическими и физиологическими терминами. В этом нет никакого психологического содержания, никакого мистического содержания, никаких религиозных подтекстов, на мой взгляд. Я должен сказать это, и мне все равно, принимаете вы это или нет, это не имеет для меня никакого значения».

Несмотря на то что я был сильно впечатлен, правда также и то, что я был несколько напуган. Отдельные отрывки были просто мрачными. До сих пор мне не приходилось сталкиваться ни с одним учителем, философом или гуру, который бы так смело отрицал инструменты собственной торговли. Его равнодушие к системе, истории, священным писаниям и системе ценностей в духовной практике ощущалось как пощечина. Джидду Кришнамурти намекал на

что-то подобное, но при этом постоянно держал вас за руку и продвигался вперед так чертовски медленно, что вы почти засыпали. Юджи продолжал движение независимо от того, нравилось вам это или нет. Он-то уж точно не уговаривал слушателя «следовать вместе с ним», наоборот...

«Понимать нечего, каким-то образом это понимание уже есть. Как оно случилось – никто не знает, и нет никакой возможности заставить вас это увидеть. Вы спрашиваете: „Почему ты говоришь?“ Вы приходите сюда (вот почему)».

После встречи с Джидду Кришнамурти у меня осталось ощущение, что ограниченное «я» могло коснуться чего-то безграничного. Он говорил, что это невозможно, но при этом возникало отчетливое чувство, что сам он находится в постоянном контакте с безграничным. А затем, «взяв нас за руку», он продолжал сбрасывать подобных мне ищущих леммингов с утеса самоисследования в пустоту «невыбирающего осознания» – эшеровский лабиринт замкнутых разочарований.

Юджи отрицал существование «я» в каком-либо другом виде, кроме как в грамматической форме.

«Существует только местоимение первого лица единственного числа! Я не вижу там никакого „я“!»

Чтение Юджи Кришнамурти вызывало во мне множество ощущений: от восторга до холодного пота, от уныния до надежды. С еще большей силой я ощутил клаустрофобию, вызываемую тюремной камерой моего «я». Решетки на окнах сознания, освещенные лучом прожектора, в деталях высвечивали картину моей захваченности. Юджи утверждал, что в результате всего произошедшего с ним он четко увидел, что любые религиозные и духовные стремления являются причиной, а не решением человеческих страданий.

Джидду Кришнамурти начинал выглядеть лицемером.

Так неожиданно, сбросив одну обезьяну со спины, я, сам того не ведая, собирался посадить на ее место трехсотфуттовую гориллу, готовую вцепиться в мои короткие волосы и швырнуть меня в мир.

Глава 6

*«– А вопрос о том, чтобы приносить пользу, не возникает?
– Абсолютно нет. Он не считает себя особенным, избранным
некоей силой для изменения мира. Он не считает себя ни спасителем, ни
свободным человеком, ни просветленным».*

Обнаружив нечто неожиданное, то, что я уже даже не надеялся найти, я первым делом решил выяснить, как можно увидеться с интересующим меня человеком. Я связался с техническим дизайнером веб-сайта Юджи, чтобы узнать о его местонахождении, и в ответ получил номер телефона в Калифорнии. После нескольких гудков в трубке послышался женский голос:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте. Я звоню по поводу Юджи Кришнамурти.

– Да, вы хотите поговорить с ним?

Этого я ожидал меньше всего.

– А он на месте?

Где-то в глубине, на том конце провода послышался еще один голос:

– Кто там? Чего они хотят?

– Чего вы хотите? Он спрашивает...

Я быстро сообразил и просто констатировал очевидное:

– Ну, я только что прочел все его книги онлайн и по какой-то причине мне стало очень легко. Я просто хотел поблагодарить его.

На том конце линии послышался приглушенный разговор, и вот уже господин Юджи Кришнамурти взял трубку телефона:

– Здравствуйте, Юджи слушает. Кто вы?

– Видите ли, сэр, я только что прочел онлайн все ваши книги. Раньше я был тем, кого вы называете фанатом Джидду Кришнамурти, а теперь чувствую такое облегчение. Не знаю точно почему, но мне очень захотелось поблагодарить вас!

Я не знал, чего ожидать, но он неожиданно рассмеялся. У него была репутация довольно грубого человека, однако по телефону он был очень мил.

– Не думайте об этом!

Не зная, что еще сказать, я спросил, планирует ли он приехать в Нью-Йорк. Он ответил, что еще не совсем определился с планами, но будет снова в Нью-Йорке по пути в Европу. У меня возникло ощущение, что в один прекрасный день мы с ним встретимся.

В течение многих лет я был одержим Джидду Кришнамурти, я читал все им написанное и не имел ни малейшей надежды на личную встречу. Был еще один учитель – учитель дзен из северной части штата; чтобы я получил возможность прикоснуться к его мудрости, меня прежде должны были ему представить и испросить на то разрешения. В случае с Юджи я просто позвонил ему и мы поговорили, хотя не было даже предварительной договоренности. Простота этой первой встречи поразила меня больше, чем живая встреча с Джидду Кришнамурти. В этом было что-то очень реальное.

Положив трубку, я в восторге откинулся на спинку стула, выдохнул и улыбнулся.

Вот это да!

Глава 7

«Но те, кто „сделал это“, живут среди людей, вы можете их там видеть».

16 октября 2001 года я нашел в Нью-Йорке женщину, которая знала Юджи в течение многих лет. Спустя много лет я обнаружил запись об этом в одном из многочисленных блокнотов, которые я бог знает зачем постоянно таскаю с собой, записывая в них все на свете.

«Сегодня утром я позвонил Х из телефонной книги по поводу просмотра видео с Юджи. Она перезвонила. Возможно, он придет. Я буду там в следующий понедельник. Все звучало достаточно обыденно. Интересно, что... что? Ничего, просто отметил. Как я буду себя чувствовать, находясь рядом с подобным человеком? „Ты бы этого не хотел“. Конечно же, именно из-за „меня“ я не свободен. Свобода не предполагает никакого „меня“».

Мне сказали, что будут рады видеть меня в любое время, поэтому я назначил дату и вскоре пришел. Женщина из Нью-Йорка была лет на пятнадцать старше меня, при этом от нее исходило ощущение молодости, радушия и принадлежности к богеме. Как только она открыла дверь, вся моя неловкость тут же испарилась. Интерьер говорил о любви к богеме и немалых доходах. Белая ткань покрывала кушетки, стулья и большое пианино, стоящее в углу огромной гостиной. Комната, в которой останавливался Кришнамурти, располагалась за кухней и была самой маленькой в доме. В ней мы сели за стол и стали смотреть видео, на котором Юджи беседовал с друзьями в разных домах по всему миру.

Она предложила мне чаю, и через пару часов разговора я продолжил свой путь, нагруженный книгами и видео с Юджи.

Когда я пришел в следующий раз, в квартире был еще один посетитель. На полу в комнате сидела женщина и фотографировала свои работы – изысканные гравюры, выполненные в розовато-бежевых тонах. Она была такой тихой, что я едва мог расслышать, что она говорит. Поездка в Европу к Юджи, намеченная на 11 сентября, отменилась, и с тех пор она ждала, когда он вернется. Своеобразная манера речи, высокий мягкий голос создавали ощущение, что она тоскует о ком-то очень близком и любимом. Танцовщица в прошлом, артистка с голосом Мэрилин Монро и лицом Ингрид Бергман, практик и преподаватель йоги – там было во что влюбиться. Я с облегчением выдохнул, узнав, что она замужем. В любом случае она бесспорно была очень красива.

В феврале моя новая нью-йоркская знакомая наконец сообщила мне по телефону, что Юджи приехал в город. Я тут же отправился к нему в гостиницу. По иронии судьбы та находилась прямо через улицу от Мэдисон-сквер-гарден, куда я раньше ходил слушать Джидду Кришнамурти. Дверь в комнату 2107 была слегка приоткрыта, но я все равно постучал. Кто-то внутри сказал: «Входите, не заперто». Я был одет по-зимнему, поскольку на улице было холодно, а в комнате явно кто-то очень любил жару. Нью-Йоркерша и Йогиня взглянули на меня, улыбнулись и поздоровались, когда я вошел в помещение, оставив свои кожаные ботинки и куртку в коридоре.

Человек, ради встречи с которым я пришел, сидел на диване в гостиной и разговаривал с горсткой людей. Он был небольшого роста, пожилой, худой и энергичный, с копной светлых волос, разделенных на пробор посередине головы и спадающих по обе стороны лица. Не могу сказать, был ли он точно похож на индийца: в его речи слышались и индийские, и английские нотки – так что трудно сказать. Не так, как в случае с Джидду Кришнамурти, голос которого временами приобретал явно британский акцент. Короткий воротник рубашки торчал вокруг

жилистой шеи, выглядывая из-под чуть более темного свитера. Из-под отутюженных коричневых брюк были видны постоянно меняющие положение босые ноги. Одежда цвета загара выгодно оттеняла цвет кожи.

Нью-Йоркерша представила меня.

– Зачем вы пришли сюда? – спросил он вежливо, внимательно изучая меня серыми глазами. Взгляд его не казался ни доброжелательным, ни враждебным.

– Я захотел с вами встретиться после того, как прочел ваши книги.

– Тот факт, что вы находитесь здесь после прочтения книг, говорит о том, что они не выполнили свою задачу.

Сказав это, он откинулся на спинку софы.

Я не знал, что сказать, поэтому молчал.

– Как вы узнали обо мне?

– Я прочитал о вас на веб-сайте.

– Понятно. Ну во всяком случае, теперь, когда вы пришли, я думаю, вам следует уйти, вы здесь ничего не получите. Я ничего никому не могу предложить, и нет нужды говорить, вы сами обнаружите, что вам не нужно получать что-либо от кого-либо в этом мире.

Несмотря на такое приветствие, он на самом деле не собирался прогонять меня. А вот что касается всего остального, он был категоричен и непреклонен. Решительным жестом руки он отменил всякую возможность получения от него чего бы то ни было. Я почувствовал спазм в животе. Не зная, что делать, я минуту стоял в нерешительности, пока кто-то не предложил мне место на диване перед ним, и он вернулся к разговору.

– Да, да, пожалуйста, почувствуйте себя как дома.

Я сел перед ним и у меня возникло ощущение, что он говорит одновременно со всеми и ни с кем конкретно. Остальные были заняты оценкой первого впечатления, которое произвел на них новый человек. Народу было так мало, что я вскоре расслабился, едва ли не чересчур. Это немного напоминало обычный визит к родственникам – никаких церемоний, люди просто сидят и болтают. По крайней мере, один из них болтал.

Я не совсем понимал, о чем он говорит и почему вообще выбрал для обсуждения такую тему.

Он вернулся к разговору об индийской истории.

– Этот ублюдок Ганди был худшее, что когда-либо случалось с Индией. Я даже не хотел касаться индийских рупий. Почему они на каждой банкноте изобразили его гнусную физиономию? Я хочу знать! Ту книгу, что он написал, нужно было назвать «Мои эксперименты с едой», а не «Мои эксперименты с Истиной». Если бы он был сейчас здесь, я бы так ему врезал! Я при встрече ему так и сказал: «Когда-нибудь они всадят в тебя маленькую пульку, и тебе придет конец».

Это было забавно, хотя я и не понимал, что он имеет против Ганди. Чудно было слушать его комментарии. Подозреваю, он знал об этом, но это не мешало ему выражаться очень экспрессивно.

– Затем этот Неру занялся разделом Индии, потому что спал с женой Маунтбеттена Эдвинной. Это она уговорила его. Она была настоящей сукой.

Было интересно, что он встречался с Ганди, и уж, конечно, о Неру я такого никогда не слышал. Все, что я знал об индийской истории, могло уместиться в одном параграфе. Он продолжал об этом трещать, как будто важнее ничего на свете не было.

Я смотрел, как он двигался. Его руки танцевали в унисон со словами, махали и указывали, хватали и бросали что-то там и тут, а ноги в это время постоянно меняли положение с ловкостью, необычной для человека его возраста. Он был таким же расслабленным, как на видео, только выглядел гораздо старше. Его морщинистое, с приятными чертами лицо не было обвисшим. Взгляд серых глаз был отсутствующим. Хотя он и смотрел на предметы, взгляд его,

казалось, не фокусировался надолго. У него был высокий, хорошо оформленный лоб с явным возвышением в виде листочка в середине, кончик которого касался точки между бровями в том месте, где у человека традиционно рисуют третий глаз. Стройные и красивые по форме ноги и руки были такими же быстрыми, как и речь. Из-за огромного количества движений руки казались больше, а ноги двигались почти с одинаковой с ними скоростью.

Йогиня сидела перед ним в изящной позе с немислимо завернутыми ногами. Мягкий стул в центре комнаты занимала женщина с темными вьющимися волосами по имени Эллен Кристалл, представленная как человек, ответственный за редактирование одной из книг с его беседами под названием «Мужество оставаться самим собой»¹¹. Нью-Йоркерша представила меня индийской паре с именами Лакшми и Гуха. Она уже немного рассказала мне о них: они питали глубокую привязанность к Юджи и сейчас сидели у его ног, довольные достигнутой целью.

Большую часть времени Нью-Йоркерша что-то печатала на своем ноутбуке за столом напротив него, разговаривала по мобильному телефону или занималась еще какими-то делами; в это время все остальные тихо сидели и внимали главному действующему лицу с неким подобием благоговения, но без лишней серьезности и важности.

В какой-то момент, вспомнив мой прошлый интерес к Джидду Кришнамурти, он повернулся ко мне:

– Вы знаете, что имя Джидду на нашем языке означает «жир»? А Уппалури означает «каменная соль». Это название места, где ее добывают. Я люблю повторять, что эта соль нужна для того, чтобы избавиться от того жира.

Он имел в виду свое имя: Уппалури Гопала.

Я был вынужден рассмеяться, поскольку это было именно то, что произошло со мной. Указывая рукой на присутствие в комнате несуществующего жира, он засмеялся тоже. Глаза его ярко блеснули.

Окно напротив дивана выходило на северную часть Седьмой авеню. Он то и дело напоминал нам о том, что любит останавливаться в отеле в одном и том же номере. Предпочтение отдавалось цифре семь или кратной ей. Ему нравилась эта угловая комната номер 2107. В какой-то момент он начал разговор о Будде и о том, каким он был идиотом. Это было что-то новенькое.

– Я называю его «буд-ху», что означает «идиот» на хинди.

Затем ему пришла мысль чем-то поделиться со мной.

– Слушайте-ка! Я хочу вам кое-что показать!

Слегка коснувшись моей руки, с озорной улыбкой он вскочил с дивана и исчез в спальне. Его прикосновение было похоже на дуновение ветерка – прохладное и мимолетное. Пока он отсутствовал, я посмотрел на остальных и заметил, что они улыбаются со знанием дела. Вернувшись с тонкой папкой в руках, Юджи встал прямо передо мной. Он вытащил из папки самый яркий распечатанный на принтере листок и протянул его мне:

– Смотри, вот это мать Будды!

Это был коллаж, составленный из нескольких не слишком художественных картинок. На нем лицо обычной азиатской женщины было прилеплено к телу порнозвезды с задранными вверх ногами, которая находилась в процессе совокупления с белым слоном. Изображение со слоном, несомненно, было выдрано из журнала о природе. Картинка была очень грубой и не допускала никакой двусмысленности. Юджи стоял передо мной, в ожидании реакции рассматривая мое лицо своими ликующими пустыми глазами. Все, что я мог делать, это улыбаться и смеяться, наблюдая абсурдность происходящего. Он напоминал мне школьника на детской

¹¹ На русском языке опубликована в из-ве «Ганга».

площадке, довольного своей проказой. В некотором смысле я был очень рад, потому что никогда по-настоящему не принимал культ Далай-ламы.

– Я отослал эту картинку Далай-ламе в день рождения этого ублюдка Будды. Это изображение его матери, которую имеет белый слон! Так говорится в легенде о матери этого ублюдка, поэтому я послал ее Далай-ламе на день рождения Будды! Его личный секретарь – мой хороший друг.

С энтузиазмом двенадцатилетнего подростка он похвастался:

– Эта сволочь меня не любит!

– Еще бы! – не мог не заметить я.

Меня не столько шокировала картинка, сколько сам факт того, что он с такой гордостью показывал мне эту абсурдную оскорбительную вещь – меньше всего я мог предположить что-либо подобное в первую встречу. Видимо, в последнее время ему понравилось вести себя с людьми вызывающе. В своих книгах он приравнивал логику к фашизму, так что его методы не расходились со словами, это было ясно. Я был в полушаге от того, чтобы узнать разницу между учителем и таким человеком, как он, но я все еще был слишком нацелен на ментальное понимание процесса, мне нужно было нечто, во что я мог бы вонзить клыки своих мозгов. Я просидел еще несколько часов, наслаждаясь абсурдной болтовней и терпеливо ожидая возможности встрять в разговор и спросить что-то осмысленное. Часы шли, лавина слов не прекращалась, и я влез прямо в нее – по крайней мере, попытался:

– Юджи, вы, очевидно, в другом...

Не успел я закончить предложение, он меня тут же прервал:

– Нет, сэр!

Неожиданно он стал очень раздраженным.

– ...состоянии, но я...

Он был уже в наклоне вперед с поднятой вверх рукой.

– Ерунда! Все пустые слова и пустые фразы!

– Но...

Он обрубил меня моментально, словно ждал, пока эта глупость выползет из-за своего укрытия в кустах...

– Это не ваш вопрос! Знаете ли вы, сколько людей, переступивших порог моего дома на протяжении многих лет, задают мне одни и те же вопросы?

Я был в шоке, все полетело под откос...

– ...Но ваше состояние... это естественное состояние...

Все, забудь. Я совсем растерялся.

– Единственное состояние/штат, в котором я нахожусь, это штат Нью-Йорк.

Он продолжал душить меня словами, и я сидел, как дурак, с так и не заданным вопросом.

Что-то подсказывало мне: «Расслабься, пусть пройдет какое-то время». Разговаривать с этим парнем было все равно что пытаться ухватить отражение в реке. Невозможно.

Наконец на улице стемнело, и я почувствовал, что пришло время прощаться. Я поблагодарил его, он в ответ любезно поблагодарил меня за визит. Я ушел.

Голова моя шла кругом.

Глава 8

Июль 2002

«Мои разговоры с людьми случайны – я действительно имею это в виду – иначе я бы забрался на трибуну. Какой толк забираться на трибуну? Мне это неинтересно. У меня нет никакого послания».

Я не мог поверить, что еду на встречу с Юджи Кришнамурти в то же самое место, где на протяжении стольких лет проводил беседы Джидду Кришнамурти. А еще я не представлял, насколько красива Швейцария. Весь путь до Гштаада, куда я добирался поездом и на машине, занял три часа. Город находился по соседству с Сааненом – местом, где в 1967 году Юджи слушал ту лекцию Джидду Кришнамурти. Дорога на поезде была похожа на путешествие по сказочной открыточной стране.

Нью-Йоркерша и Гуха подобрали меня в соседней деревне и отвезли к Юджи в шале, расположенное рядом с открытым полем и коровником, полным швейцарских коров.

Выйдя из автомобиля, я оказался под чистым летним голубым небом с плывущими по нему через Альпы пушистыми облаками. Женщины провели меня по витой цементной лестнице в подвальное помещение дома. Дверь открылась, и я оказался в большой комнате, заполненной людьми, сидящими кто на чем. В противоположном конце комнаты сидел и что-то говорил Юджи. Увидев меня, он воскликнул:

– Что? Ты? Что ты здесь делаешь?

Я почувствовал себя неловко.

– Просто заглянул в гости.

– Не говорите, что время чудес прошло!

Одетый в рубашку кремового цвета и отглаженные брюки, с босыми ногами, стоящими на каком-то пуфике, он вскинул руки с притворным удивлением.

– Что с тобой? Зачем ты проделал весь этот путь?

– Здравствуйте. Как дела, сэр?

– Отлично! Сажу разговариваю с народом. А с тобой что случилось?

Мне нечего было сказать в ответ.

– Ну давай заходи, мы тут болтаем о всякой ерунде.

Йогиня сидела перед Юджи в кресле. На ручке кресла расположился высокий человек, и я машинально отметил, что его рука лежит на спинке кресла. Она помахала мне рукой, я ответил и быстро перевел взгляд снова на Юджи.

Остальные бросили на меня короткий взгляд и вернулись к главному развлечению. Вид собравшихся в дальней части комнаты напомнил мне мотыльков, собравшихся вокруг источника света. Занавес за креслом Юджи скрывал идущие по стене водопроводные трубы. Если где-то наверху открывали кран с водой или спускали бачок унитаза, комната наполнялась характерным музыкальным шумом. Рядом с креслом, под единственным окном в этом подвале, стоял диван. В течение дня крошечный луч света перемещался по дивану как по солнечным часам. Люди ужасно мучились, пытаясь одновременно впустить в подвал глоток свежего воздуха и в то же время заблокировать доступ солнечного света. Причиной такой предосторожности было замечание Юджи по поводу свежести чего бы то ни было.

«Свежий воздух – это чувственное удовольствие! Этому телу не нужен свежий воздух. Вы все зависимы от идеи о здоровье и свежем воздухе. Свежий воздух, свежая еда; все эти идеи вложены в вас этими ублюдками. Вы все хотите быть здоровыми. Вы едите идеи и носите лейблы! Я ем только консервированную пищу, а для вегетарианцев скажу – я никогда не ем

овощи! Я не такой, как вы, люди! Посмотрите на меня. Мне восемьдесят пять лет по индийскому календарю, идет восемьдесят шестой, как говорится. А вам, людям, всем хочется думать, что вы мо-о-о-о-лоды!»

Его рассуждения о несоответствии индийских, тибетских и «грязных западных» календарей были забавными. Беседа шла таким образом, что можно было вклинить в любой момент. Он говорил утверждениями, не заботясь ни о продолжении мысли, ни о связи мыслей между собой. Он рассказал историю о человеке, специально приехавшем из далекой Бразилии для встречи с ним и страшно разочаровавшегося в Юджи после того, как тот весь день проговорил об экономике. Человек ушел в гневе (Юджи любил рассказывать о тех, кто «уходил в гнев»), но вернулся на следующий день и остался еще на несколько недель, несмотря на первоначальный «гнев» из-за разговоров о мирских, а не духовных вещах.

Все это напоминало прошлую встречу в Нью-Йорке, и я действительно периодически задавался вопросом, зачем я, как он выразился, проделал «весь этот путь». Однако вскоре мне стало понятно, что меня это гипнотизирует, наполняет энергией, заставляет скучать и интригует снова и снова.

Аудитория состояла из разного рода мужчин и женщин преимущественно европейской внешности. На диване перед Юджи сидели двое – явно американцы: крупный мужчина средних лет с темными кругами под глазами и женщина с отсутствующим взглядом. Они казались полностью погруженными в присутствие Юджи. Рэй и Шарон руководили нью-эйджевской церковью на Среднем Западе и тратили немислимые суммы денег, чтобы повидаться с ним, как только предоставлялась возможность. Дочь Шарон Синди пребывала в таком же оцепенении, как и они.

В тот день он говорил о своем заклятом враге Джидду Кришнамурти. До сих пор не знаю, кто оказался в этой долине первым: Юджи или Джидду...

– Я никогда не видел этого грязного ублюдка после нашей последней встречи в Уимбл-доне в 1960 году! Он сам пригласил меня, этот грязный ублюдок. У него хватило наглости спросить: «Почему вы отошли от вашей семьи, сэр?» – Подражая старику, Юджи произнес слова с преувеличенным британским акцентом. – Я даже не хотел его видеть! Это он меня позвал. Он сидел там и гладил кошку. Вы ведь знаете, он любил кошек. Он спросил меня: «Вы любите домашних животных, сэр?» И я ответил ему: «Я не люблю даже человеческих животных!» Можете себе представить?

Все засмеялись.

– Ничего себе! – откинувшись на спинку дивана, произнес преподобный Рэй. Не отрываясь, он смотрел в глаза Юджи, точно собираясь найти в них золото, а нога его от радости дергалась.

Обращаясь к нему, Юджи продолжал:

– Я сказал: «Я не хочу больше никогда вас видеть!» – и вышел. Знаете, что он сделал? Он попытался обнять меня! Я не спросил его тогда, но если бы это случилось сейчас, я бы сказал: «Кришнаджи, у вас что, гомосексуальные наклонности?» Представляете? Тот еще ублюдок!

– Ну дает!

Этот театр о Джидду Кришнамурти был мне особенно интересен. Тот факт, что я оказался в долине, о которой читал так давно, удивлял меня невероятно. Когда-то я об этом и не мечтал, а теперь вот находился рядом с человеком, который не только знал Джидду Кришнамурти, но, казалось, смог проглотить существенное, а ненужный остаток выплюнуть. Я знал все истории, про которые он говорил. Я сидел рядом с молодым индийцем по имени Нарендра из нью-йоркского отеля. Нарендре понадобилось поехать в город, чтобы отправить электронную почту. Заметив его отсутствие, Юджи спросил меня со своего места:

– Где твой друг?

Было приятно, что он обратился ко мне.

- Он поехал в город отправить почту.
- А, понятно.

Пока Нарендра отсутствовал, я поговорил с сидевшей неподалеку французской парой. Они, казалось, были немного встревожены тем, что происходит, или... не происходит. От них первых я узнал о том, что Юджи больше «не говорит». Судя по их словам, он перестал вести серьезные разговоры, заменив их бесконечной болтовней о деньгах с любым, кто был готов его слушать. Я читал его книги и знал, что он был способен на «серьезные» беседы, и не мог представить, что такой человек мог когда-либо потерять «это», чем бы оно ни было.

Сейчас его манера разговора создавала ощущение, что он даже не подозревал о вашем существовании. Казалось, большую часть времени он был погружен в свои истории, но при этом в его голосе слышалась некая отрешенность. Вскоре я понял, что он четко отслеживает приходы и уходы всех посетителей. Если вдруг меня не было в комнате, а потом при входе я сталкивался с Нарендрой, он обычно говорил мне: «Юджи искал тебя».

Это льстило. Как будто твое отсутствие что-то для него значило.

В какой-то момент возникло обсуждение термина «духовная кома», придуманного молодой женщиной, пришедшей, видимо, вместе с американской парой, которая сидела перед Юджи. Дело в том, что одни люди в присутствии Юджи, казалось, впадали в сонное состояние, а другие неотрывно смотрели на него глазами, полными экстатического огня.

– Не называйте это энергией! Духовная кома! – говорил он, указывая на кого-нибудь, кто клевал носом. Он всегда говорил о духовной коме только в шутку, но я заметил, что в его присутствии что-то заставляло людей выглядеть моложе и спокойней. Я обратил на это внимание, когда мы оказались за пределами комнаты: умиротворенные и безмятежные, почти парящие в его присутствии люди вдруг оказывались плотно заземленными. Он же упорно твердил, что ничего необычного не происходит.

– Нет такого понятия, как дух. «Дух» – это латинское слово, означающее дыхание. Вот и все. Никакого отношения к вашей духовной чепухе он не имеет! Никто не был настоящим! Они все были преступниками, они обманывали себя и обманули всех вас. Не говорите мне о медитации! Я всем этим занимался. И ничего. Гоните их взащей, убейте этих ублюдков!

За этим комментарием обычно следовало предупреждение:

– Любой, кто занимается этим всерьез, в конечном итоге будет распевать веселые песенки Луни Тюнз в дурдоме или покончит жизнь самоубийством. Что и произошло со многими из ваших святых!

Мне нравилась его ссылка на мультфильмы. В памяти сразу всплывало описание одного его ощущения, которое он заметил после катастрофы: когда он лежал в кровати, его тело казалось ему мультяшным персонажем из «Тома и Джерри», по которому проехался паровой каток.

Что касается многих его комментариев, было бы заблуждением считать, что вы правильно понимаете его мысль. В этом отношении всегда приходилось быть начеку. Например, он мог заявить о своем желании отослать вас прочь из дома или нежелании разговаривать, но если вы выходили из комнаты, он хотел знать, куда вы пошли, что делаете и зачем. А по возвращении приветствовал вас взмахом руки и дружелюбным: «Где вы были? Что видели?»

Я обнаружил, что незамеченным можно было выйти из комнаты лишь тогда, когда его внимание было занято чем-то еще. Юджи был настолько поглощен предметом своего наблюдения – независимо от его содержания, что если человек в другом конце комнаты вставал, то он, полностью поглощенный своим объектом, мог не заметить движения. А потом он скидывался, как потерявший игрушку ребенок:

– Где этот парень?

Каким-то образом кто-нибудь всегда знал, о ком идет речь.

– О, я думаю, он ушел.

– А куда он пошел?

В то лето Юджи впервые позволил столь большому количеству людей принимать пищу вместе с ним. Он неоднократно повторял, что ему ненавистна идея ашрама, видимо, предполагающая необходимость есть в присутствии большой компании людей. В прежние годы встречи с людьми проходили у него с десяти утра до полудня и затем с четырех до шести в послеобеденное время. Теперь он был доступен в течение всего дня – с шести утра до восьми – девяти вечера. Во второй половине дня, около трех часов, устраивали перерыв на кофе – он называл его полдником.

Помимо некоторого количества «вдов Джидду Кришнамурти» среди посетителей было немало тех, кого Юджи называл «вдовами Раджниша». И если Джидду Кришнамурти он считал «величайшим мошенником XX века», то бывшего гуру по имени Раджниш он называл «величайшим сутенером XX века», поскольку «он брал деньги у мальчиков и девочек и все-е их оставлял себе!»

Практически о каждом участнике духовного шоу-бизнеса он мог сказать что-нибудь гадкое. Вдохновленный Раджнишем, известным также как Ошо, он в те дни часто говорил о традиции святых людей брать другие имена: «Только преступники и святые меняют имена. Я бы предпочел быть аферистом, нежели богочеловеком».

Несмотря на то что он производил впечатление старого доброго знакомого, было в нем что-то, что создавало между ним и вами определенную дистанцию. В комнате царил доброжелательная атмосфера, но все внимание людей было полностью занято Юджи. Разговаривая с конкретным человеком, он словно обращался через него ко всем остальным. Его пустотность создавала эффект вакуума там, где вас привлекали его движения или направленный в никуда бесконечно долгий взгляд светло-серых глаз.

Его посетители представляли собой постоянно меняющийся микрокосм мира с его представителями из Европы, Ближнего Востока, Азии, Южной Америки и русскими. Тут были и мусульмане, и иудеи, и индуисты во всем своем многообразии, буддисты, христиане всех сортов и, конечно, бывшие последователи современных религиозных учителей и гуру. Казалось, у каждого была своя история, связанная либо с Шри Бхагаваном Раджнишем, иначе – Ошо, либо с Саи Бабой, либо с Бабой Да Фри Джоном, либо Эндрю Коэном, ну и, конечно, Джидду Кришнамурти. Люди были самых разных профессий и возрастов, были среди них и безработные, и очень состоятельные люди.

Многие годы он поддерживал тесные дружеские отношения с гетеросексуалами, гомосексуалистами, бисексуалами и транссексуалами. Он, казалось, действительно не обращал внимания на сексуальные предпочтения, цитируя по этому поводу Кристину Йоргенсон – первую знаменитость, изменившую пол: «Пол в вашей голове, а не теле. Не поймите меня неправильно! Я не против!» Он так очаровательно тянул слово «не про-о-о-тив». Обычно после этого он продолжал: «Секс и войны исходят из одного источника. Это ваше «Я так люблю тебя, моя дорогая!» не стоит ничего. Если вы не получаете от отношений того, что ждете, что происходит? Они превращаются в ненависть. Любовь – это слово из четырех букв!»

Затем он мог продолжить: «Все мои отношения строятся на одном: что я от них получаю?» Этим он забивал последний гвоздь в крышку гроба романтической любви.

О физических аспектах любви он делал незабываемые заявления: «Все дырки одинаковы. Вначале может быть и туго, но с течением времени ослабнет».

Очень сентиментально.

Конечно же, наше представление о том, что для любви нужны двое, основывается на идее разделенности и означает конфликт. Не раз и не два я убеждался в этом на собственном опыте.

Его аудитория отличалась от других: каждый из его посетителей уже имел дело с какой-либо духовной практикой. Едва ли в окружении Юджи мог задержаться человек, прежде не выполнявший никакого «домашнего задания» – как называл практику, или садхану, Юджи. А те, кто занимался практиками серьезно, просто не могли «отместить его в сторону». Вещи,

о которых он говорил, не казались слишком абсурдными, если человек уже потерял какое-то время в духовном театре.

Людей привлекало к нему качество его компании. Язык, которым он выражался, продать было невозможно. Он перестал следить за своей речью, отвергая саму идею о том, что произошедшее с ним можно получить в результате обучения. Случившееся не имело причины. Это очень трудно объяснить, поскольку для него это было способом существования, а для всех остальных – идеей.

По этому поводу он обычно вспоминал классическое индийское философское выражение «Нет дыма без огня» и спрашивал: «Почему нужно связывать эти два события? Каждое из них существует само по себе».

На интуитивном уровне мы понимали, что наблюдение за человеком, за его манерой общения с другими людьми, его поведением учило нас многому – может быть, это было единственное, что могло нас научить. Причина, по которой его речь была столь абсурдной, заключалась в том, что он относился к логике, как к фашизму, – и он действовал так быстро, что язык за ним не успевал. Он сам описывал этот феномен как запаздывание звука в фильме. Точно так же его действия шли впереди его слов. Одним из его любимых наказов водителям было: «Смотрите глазами, а не головой!» Объектив камеры не знает, на что он смотрит, он просто передает изображение, не нуждаясь в ярлыках.

«Вы, люди, просто боитесь признать тот факт, что вы – машина, вот и все».

Осознать, что в результате «катастрофы» в нем была разрушена «структура, формирующая образы», было невероятно сложно. Моя профессия зависит от создания и использования образов. Я понял, что после «катастрофы» слова возникали в нем всего лишь как реакция на сложившуюся ситуацию. Как он говорил, они не оставались в нем настолько долго, чтобы сформировать образ. Возможно, именно поэтому следовать за ним мыслью было довольно трудно. Что-то очень прозрачное и неуловимое ощущалось в его присутствии. Это все равно что смотреть на льющуюся воду: невозможно не быть загипнотизированным ее движением и невозможно ее схватить, потому что она течет сквозь пальцы. Так же невозможно было чувствами ухватить его действия.

Глава 9

«У вас нет способа узнать что-либо о вашей смерти: ни сейчас, ни в конце вашей так называемой жизни. Если знание, если непрерывность знания не прекратится, смерть наступить не может».

Юджи имел привычку цитировать отдельные отрывки, которые когда-то попались ему на глаза. «Христианство показывает нам силу страдания, индуизм раскрывает глубокие духовные возможности, а ислам и иудаизм учат нас быть страстно преданными Богу и верности в действии!»

Долгое время я думал, что он говорил «быть ревниво преданным Богу», а не «страстно преданным» – меня ввел в заблуждение его акцент.

Юджи постоянно поносил некоторых персонажей религиозной и политической жизни, чем подогревал мой интерес к ним. Что бы он ни говорил о Шри Рамакришне – я знал, это не имеет к нему никакого отношения. Регулярное упоминание прежде неизвестного мне имени Раманы Махарши побудило меня взяться за чтение книги его диалогов. Во время чтения я подумал, что вряд ли мог сам когда-либо заинтересоваться ей. А сам ли я выбирал родиться личностью, которая будет интересоваться подобными вопросами? Почему мне интересны эти люди? Мое окружение в детстве никак не могло способствовать пробуждению этого интереса. Я никогда особенно не задумывался о концепции свободной воли до тех пор, пока не прочел диалоги Махарши. Именно читая их, я осознал, что практически не контролирую большинство вещей в своей жизни. На второй день моего пребывания в Швейцарии Юджи пригласил меня в свой автомобиль во время путешествия по горному перевалу Ле Дьяблере. Мы поднимались по извилистым горным дорогам с пересекающими долину впечатляющими горными грядками и сосновыми лесами, разливающими свою прохладную зелень по долине внизу. Я задал вопрос, который возник у меня во время чтения одной из книг Раманы Махарши:

- Юджи?
- Да?
- Существует ли какая-нибудь свобода воли?
- Никакой, сэр, – ответил он тихо.

Было ощущение, что Юджи знал, почему я задал этот вопрос, и отвечал соответственно.

В тот день после поездки мы ужинали в местной пиццерии. После ужина я заметил, что Юджи стоит на краю стоянки и освобождает желудок от только что съеденного грибного супа. Я впервые видел такое его «опорожнение». Обычно для подобного процесса мы используем слово «рвота», однако назвать этим словом то, что происходило, у меня язык не поворачивается. Было в этом что-то невероятно грациозное. Он слегка наклонился вперед, плавным жестом руки показал земле полость своего рта и извергнул струи жидкости в кусты. Он сделал это пару раз, затем легким жестом аккуратно и быстро вытер рот бумажным полотенцем и вернулся к ожидавшей его машине. В годы, следующие сразу за «катастрофой», врачи подозревали у него рак. Он обследовался, рака не нашли. Тогда его состояние приписали ахалазии, или кардиоспазму пищевода.

Я лежал в темноте небольшого отельного номера и через окно смотрел на полную луну. Вдруг возникло ощущение, что из грудной клетки, словно пылесосом, из меня вытягивают энергию. Резко сев на кровати, я пытался сообразить, что происходит. По спине струился холодный пот. Пытаясь справиться с накатившим страхом смерти, я сконцентрировался на чавкающих звуках за окном, издаваемых жующими траву коровами. Постепенно целенаправленное глубокое размеренное дыхание и перезвон колокольчиков на шеях коров в ночи сделали свое дело, я расслабился, лег и наконец заснул.

В то лето я наивно тешил себя надеждой, что со мной обязательно произойдет что-нибудь необычное, пока я буду находиться рядом с Юджи. Однако едва возникал намек на нечто подобное, меня тут же охватывала паника с головы до ног и страх вонзался в каждую клеточку тела. Как только мой маленький мир оказывался под угрозой нестабильности, тут же возникало «параллельное мышление», как называл его Юджи, чтобы спасти мою задницу от забвения. Привычка сохранения собственного образа была так сильна, что малейший указатель на отсутствие свободной воли тут же ею подавлялся. Я ничего не мог с этим поделать. Я гонялся за тенью – безобидными идеями, основанными на образе Юджи, который уже начал складываться в моей голове. Эти образы, мое понимание сказанных им слов, выводы, к которым я пришел на основании этих слов, – все это становилось препятствием. В качестве примера человека, пытающегося освободиться от мысли, он приводил ребенка, думающего, что он может убежать от своей тени. Как-то сидя с ним в подвале, я почувствовал, что моя голова стала абсолютно пустой, словно это была не голова, а обуглившаяся деревяшка. Когда по пути домой в отель я рассказал об этом Нарендре и голландцу Андре, они долго смеялись. И тут до меня с горечью начало доходить, что именно на таких ощущениях в духовном бизнесе делаются миллионы. Единственное условие: ты должен хотеть верить в эту чушь. И если у меня и прежде были какие-то сомнения относительно этого, Юджи навсегда разгромил возможность самообмана. Единственным выходом из этого бреда была смерть, и я начал понимать, что как раз эту простую истину он постоянно пытался донести до нас. Эта истина была ужасно неудобной и некомфортной, поскольку отвергала все блага, предлагаемые обычными гуру и учителями. Она же делала круг последователей самого Юджи очень и очень скромным. Кому охота умирать? У кого хватит духу на это? Если такая смерть не самоубийство, то она не в твоих руках. Даже он не желал того, что случилось с ним. Он продолжал повторять это раз за разом, но поверить его словам было трудно – уж слишком невероятными они казались.

«Вы собираетесь стать чудесным человеком завтра! Но если что-либо должно случиться, оно должно случиться сейчас!»

Он видел все приходящее и тут же прихлопывал его как клопа.

За два дня до того как покинуть город, мы с Йогиней пошли на прогулку по альпийским лугам и устроили небольшой пикник. Обстановка была романтической, компания изысканной, и после пикника мы вернулись в ее комнату, чтобы немного вздремнуть. Она пригласила меня к себе на кровать, и мы кувыркались с ней в простынях как подростки. Ситуация разворачивалась словно сон, происходящий в неправильное время в неправильном месте. Помню, я выглянул из окна швейцарского шале с мыслью о том, что все слишком идеально – так же идеально, как сцена в конце фильма «Синий бархат», где маленькая птичка, поющая на кухонном окне, будучи освещенной лучом голливудского солнечного света, оказывается деревянной игрушкой. К тому времени, когда мы вернулись в комнату, меня слегка подташнивало.

Однажды вечером в отеле я веселил Нарендру и Андре пародиями на людей. Юджи прознал о моих способностях к мимикрии, и едва я переступил порог его комнаты на следующий день, эта тема всплыла. Он потребовал представления, и это меня несколько напрягло. Я попросил разрешения отлучиться на несколько минут, но он ясно дал понять, что мне от его просьбы не отвертеться. Тогда я спародировал для него нескольких находящихся в комнате людей. Смех зрителей придал мне уверенности, и в итоге кто-то попросил меня спародировать Юджи. Он тут же ухватился за эту возможность: «Да! Да! Покажи меня!» У него была привычка теревить приколотый к внутреннему карману ключ и поглаживать себя по лицу, когда он сидел в кресле. Я показал ему его, и он хохотал вместе с остальными. Это было так здорово, что я даже не ожидал; он помог мне расслабиться. Так или иначе это открыло дверь, которую он, конечно же, заметил и впоследствии всю использовал.

На обратном пути домой, в аэропорту, меня вдруг накрыло леденящее чувство. Все выглядело и ощущалось хрупким, как стекло. Я чувствовал себя привидением, находящимся за пределами окружавшей меня реальности. Это было очень волнующее и сильное ощущение.

Оно исчезло к тому времени, когда я добрался до Нью-Йорка.

Глава 10

«Я не имею права говорить что-либо против кого-либо в Индии, потому что я здесь не работаю».

Жаркой сентябрьской ночью 2002 года я прибыл в Мумбай. Чудовищные качающиеся тени пальмовых деревьев над головой, вырастающие в темноте из тягучей плотной влажности, напоминали мне размытые пейзажи Сутина. В воздухе витали совершенно незнакомые запахи: какая-то смесь пыли, плесени, дерьма, специй и пота. Едва я занес ногу, чтобы сойти с тротуара, толпа нетерпеливых таксистов тут же кинулась ко мне. Борясь с головокружением и усталостью после долгого перелета, я выбрал одного из них, чтобы доехать до отеля, заранее бронированного онлайн. Шоссе, с которого мы начали свой путь, вскоре превратилось в клубок запутанных грунтовых дорог, чередующихся с широкими людными улицами. По обеим сторонам открытого заднего сиденья тесного трехколесного тук-тука взмывали вверх огромные ветхие здания. После небольших чертыханий и ворчания водитель нашел наш отель на грунтовой дороге в самом центре города. Слово «потеряться» приобрело для меня новый смысл, когда, прибыв в отель, я понял, что ожидавшие меня люди понятия не имели о моем местонахождении.

Проснувшись в Индии, я обнаружил, что специфический запах приобрел новые оттенки: в нем чувствовалась примесь дезинфицирующего средства и табака. Никакого желания выходить на знойную, кишасщую людьми улицу у меня не было, поэтому после вполне сносного завтрака в отеле я, сколько мог, скрывался в помещениях с кондиционерами и кабельным телевидением. По телевизору не шло ничего, кроме индийских фильмов и соревнований по крикету. Мало-помалу индийские песни и выкрики, которых я не понимал, стали действовать мне на нервы и в конце концов выгнали меня из отеля в уличную жару. Не мог же я сидеть в помещении целый день, уткнувшись в телевизор, который лишь нагонял на меня тоску по дому. Пришло время встретиться с музыкальным хаосом Бомбея. В любом случае до приезда Юджи было еще минимум пару дней, и мне нужно было как-то их убить.

Двигаясь по паутине улиц, я думал, что иду по направлению к железнодорожной станции, однако пыльные повороты и аллейки быстро заглотили меня и выплюнули в какой-то тупик на улице, идущей параллельно магистрали. Было совсем не похоже, что улица, ведущая в противоположную от тупика сторону, идет в нужном направлении, однако, не желая останавливаться, я потащился дальше по пеклу, твердо решив продолжать движение. Остановка была невозможной – от солнца спрятаться некуда, присесть негде. Казалось, остановись я, и все станет только хуже: соберется толпа или я расплавлюсь на солнце.

По ходу слева от меня тянулась бесконечная череда маленьких лачуг, некоторые из которых представляли собой одни лишь стены без крыш. Мужчины в изношенных рубашках и оборванных до колена штанах барабанили по металлу, рубили дрова, двигали камни или просто пытались починить какую-то рухлядь, пережившую, похоже, не одно воплощение. Удивительно, какими трудолюбивыми были эти люди при такой бедности. В Индии переработка отходов – это не столько забота об окружающей среде, сколько экономическая необходимость.

Никто из них не посмотрел на залитого потом чудака с Запада, бредущего по дороге. Тонкие длинные мышцы, навечно приговоренные к труду, были заняты работой с инструментами. Уличную жару пронзали постоянные звуки ударов. Сновавшие тут и там собаки искали себе местечко в тени, устраиваясь под мятыми листами железа и полуразрушенными бетонными стенами. Все дворняги были одинаковыми, все светло-коричневого цвета, все с тревожными глазами.

Я понятия не имел, куда меня к черту занесло и куда я иду. Вперед вела только одна дорога. Вскоре материализовалась улица с мостом и многообещающей тенью под ним, но стойкий запах мочи в тени погнал меня дальше. Продолжай идти! Вон впереди деревья, возможно, под ними менее зловонная тень. То здесь, то там в оконных стеклах осколками отражалась фигура едва волочащего ноги белокожего придурка, совершенно не вписывающегося в окружающий пейзаж.

Наконец я увидел знак Эм-Джи-роуд – главной улицы, которая могла вывести меня куда-нибудь в более приятное место из этой юдоли нищеты. Будучи абсолютно уверенным в бесполезности карты, из-за которой я и потерялся вначале, я, тем не менее, нашел на ней несколько знакомых названий, среди которых был железнодорожный вокзал неподалеку.

На этом месте я решил, что могу со спокойной совестью вернуться в отель после двух часов кошмарной прогулки и освежиться в своей безопасной и относительно чистой комнате. С наступлением сумерек я снова пошел на улицу и направился в Джуху-Бич – район, считающийся в Мумбае престижным. Однако прогулка по престижному району Мумбая сильно отличалась от прогулки по престижному району Нью-Йорка. Небольшое отклонение от маршрута в пользу небольшой и не слишком парадной улочки привело меня к огромному грязному полю, по обеим сторонам которого люди жили в палатках и лачугах. В сгустившейся темноте я еще сильнее ощущал на себе их взгляды, и вызывавшая ужас мысль о том, чтобы спросить дорогу, заставляла меня делать вид, что я, к черту, знаю, куда иду. Вскоре огни магазинов изменили окрестности до неузнаваемости, превратив их в невероятный пазл улиц и дорожек. Я сам был удивлен, когда в итоге каким-то чудом нашел в темноте дорогу в отель. Решив больше не испытывать судьбу, я переключился на задачу найти что-нибудь съедобное, от чего мне потом не было бы плохо, и на этом день можно было считать законченным.

На следующий день смена временных поясов выгнала меня из гостиницы еще до рассвета. Приятная прохладная тишина окутывала малолюдные улицы, и только обеспокоенные дворняги коричневого окраса бродили там и тут, словно призрачные стражники, да какая-нибудь случайная корова издавала чавкающие звуки у кучи с мусором. Собаки здесь были похожи на стаю суровых койотов, слишком занятых своими внутренними делами для того, чтобы отвлекаться на каких-то представителей человеческой расы. Они были полной противоположностью средней американской собаке, живущей в роскошных условиях и являющейся символом гостеприимства и семейного благополучия. А эта бедная скотина едва выживала в сутолоке людей и безумного городского хаоса. Коровы, обезьяны, козы вплетались в уличное движение, создавая параллельный поток.

На Западе все не так. Если взрослому человеку случится встретить настоящую корову или лошадь, не говоря уже о козе или свинье, он приходит в состояние ужаса. Мы скорее заберемся в машину и оттуда сфотографируем животное. Мы едим их каждый день, но никогда их не видим. На Западе всему отведено свое место, нищие убраны подальше с глаз, животные обязательно держатся на привязи, их откармливают и убивают – все для удобства человеческой популяции. Ну может быть, только общество крыс и тараканов, живущих в стенах и под цементом, где мы их не видим, еще более многочисленно и упорядоченно, чем сообщество людей.

В тихие утренние часы, до того как солнце начинало поджаривать мир, натянутые повсюду сверху яркие цветные нити фестивальных огней подсвечивали сучковатые деревья и угрюмые здания с желтыми, розовыми и оранжевыми воротами под названием Ганеша чатуртхи пандалс. На входе в улочки поменьше были установлены весело поблескивающие конструкции с праздничными огоньками, извещающие всех и каждого о праздновании религиозного фестиваля. Невысокие шершавые стены все сплошь были увешаны нарисованными от руки плакатами с рекламой фильмов, фитнес-клубов, мыл, кастрюль и сковородок. Реклама какого-нибудь ширпотребя, носящего имя одного из многочисленных индуистских божеств,

прекрасно уживалась с настоящими религиозными фигурами и символами. Это был коллаж из смеси культур, и я полной грудью вдыхал его богатство и новизну.

Дом, в котором должен был остановиться Юджи, находился в нескольких кварталах от железнодорожного вокзала, в лабиринте улиц в противоположной стороне от моего отеля. Расположенное прямо напротив школы, это бетонное здание с изрядно потертыми цементными ступеньками пыльно-розового цвета с патиной, казалось, пережило века. Вообще любопытно, что хотя в Индии все выглядит и ощущается очень старым и ветхим, редко какая постройка имеет возраст более тридцати, ну, максимум пятидесяти лет. Ощущение старины создает, видимо, древняя индийская культура, насчитывающая десятки тысяч лет. Большинство зданий здесь такие же типичные, как и арендуемые кривобокие многоквартирные дома в Нью-Йорке. В вечерние часы, словно отполированные янтарным светом, они приобретают желтоватый оттенок.

Случайно или по удачному стечению обстоятельств, но на противоположной стороне дороги стояла Тэа – тихая англичанка, с которой я познакомился у Юджи в Швейцарии. Ее светлая кожа и летящие белые одежды делали ее похожей на маяк, выделяющийся на фоне суетливой улицы. Она показала мне ресторан рядом со станцией, где можно было пообедать, – она знала в нем хозяина и половину посетителей. Говорившая едва ли не шепотом, она, словно тихий островок в бесконечной человеческой сумятице, годами путешествовала по Индии из конца в конец и знала улицы Мумбая как свои пять пальцев. Весьма прилично и недорого пообедав, мы вернулись назад, чтобы выяснить, когда появится Юджи. За решетчатой деревянной дверью показался пожилой мужчина в одежде Ганди – белой шапочке и куртке, которые он носил в знак преданности стандартам индийской независимости. Безразличный к нам, он не смотрел в глаза – напротив, опустил голову вниз и немного в сторону, что напомнило мне священника в кабинке для исповеди. Он разговаривал с нами тихо, из-за двери.

Ровным мягким тоном Тэа поинтересовалась о Юджи.

– Его здесь нет, – сказал он без малейшей эмоции в голосе, отводя глаза, чтобы не лицезреть наше нечестивое западное присутствие.

– Вы знаете, когда он приедет?

– Не сегодня, – последовал односложный ответ. – Зайдите позже.

Глава 11

«Но несмотря на это, несмотря на тот факт, что вся атмосфера религиозна (что бы ни означало это слово; для меня религия, о которой вы говорите, не что иное, как суеверие; празднование всех этих постов, пиров, торжеств и хождение в храм не является религией, понимаете), никто из этих учителей не произвел еще одного учителя. Не может быть еще одного Будды в рамках буддизма. Не может быть другого Рамануджачары в рамках этой философской школы».

Звук голоса Юджи, эхом разносящийся по цементным лестничным клеткам, сказал нам все, что мы хотели знать. Войдя в индийскую квартиру, расположенную в двух тысячах километрах от того места, где я видел его в последний раз, я услышал то же самое приветствие:

– Не говорите, что время чудес прошло!

Затем, естественно:

– Для чего ты проделал ве-е-е-есь этот путь?

Будучи единственным человеком с Запада (по какой-то причине Тэа уже тогда казалась мне индианкой), я чувствовал себя очень неуверенно в доме ортодоксальных индийцев. Юджи, как обычно, сидел у стены, противоположной к входу в комнату, его маленькая фигура, одетая в белые шелковые индийские одежды, была окутана светом, падавшим из окна позади него. Когда он встал и подошел ко мне, я был несколько шокирован. Стоя рядом со мной и глядя на меня своими серыми глазами, он, улыбаясь, протянул мне руку; при этом взгляд его был слегка отсутствующим, но теплым.

Это рукопожатие было словно глоток холодной чистой воды из родника.

– О, ты выглядишь очень духовным! Это не значит, что ты очень духовный, просто выглядишь духовным!

Я засмеялся и ответил, что бритая голова свидетельствовала о модном решении моей ситуации с волосами, а не претензией на духовность. Его шутка и особенно его приветствие помогли мне расслабиться среди тех, кто впоследствии стал моей джайнской семьей. В такие моменты его доброта не знала границ. Возникало ощущение, будто кто-то – кто-то очень значительный и важный – лично расчистил для тебя пространство, чтобы усадить среди незнакомых людей.

Мы сидели, и он говорил в течение нескольких часов, пока не пришло время обеда. Его присутствие в этом доме выглядело как посещение родственников, к которым он приехал в гости. Стол был накрыт, я извинился и направился к двери. Я стоял несколько сконфуженный на улице, когда вслед за мной вышла Тэа.

– Почему мы это сделали? – спросила она меня.

С тех пор она всегда легким кивком головы давала мне понять, что можно остаться на обед, поскольку была лично знакома с хозяином мистером Париком. Она стала моим ориентиром в глубине комнаты на все время визита.

В Индии Юджи делал практически то же самое, что и везде: он по-прежнему крушил все, что человеческие существа выстраивали внутри и снаружи себя на протяжении столетий. Это было фантастическое глобальное разрушение всех концепций и институтов – как западных, так и восточных. Все, что могло быть как-то связано с человеческой мыслью, он считал совершенно бесполезным. Такое абсолютное уравнивание вещей позволило мне чувствовать себя среди чужаков, в центре Мумбая, как дома. Я был невообразимо далеко от места, в котором родился, воспитывался и вырос, и при этом в его обществе я чувствовал себя на равных с

любим человеком на планете. Мы все были в одной лодке, и от этого ощущения становилось очень легко.

– Вас не может интересовать то, что я говорю! Вы, такие, какими вы себя знаете, какими вы себя чувствуете, придете к концу! Вы упадете замертво, я вам говорю! Вы хотите, чтобы я говорил о любви, блаженстве и божественности, как этот грязный ублюдок Джидду Кришнамурти? Не дождетесь! Я не заинтересован в том, чтобы продать вам дрянной товар. Для этого можете найти массу других гуру на рынке. Нет нужды говорить, что вы ничего не получите от меня и вы ничего не получите от них. Вы поймете это сами, но то, что привело вас сюда, приведет вас куда-нибудь еще.

Хозяин квартиры, мистер Парик, высокий строгого вида мужчина, в течение целой недели не сказал никому ни слова, включая Юджи. Они с женой принимали у себя Юджи в течение более двадцати лет. Ее нигде не было видно: она все время что-то готовила или убирала, давала указания слугам, к нам не выходила.

Прошлый опыт мистера Парика в качестве учителя медитации випассаны и его дружбу с Гоенкой, основателем этой школы медитации, поколебала, а затем и вовсе уничтожила его открытость Юджи. В самом начале их общения Парик напрямую спросил Юджи, должен ли он отказаться от своей практики. Юджи ответил: «Не спеши. Она должна отпасть сама собой».

После двух или трех визитов Юджи в последующие годы его интерес к медитации отпал почти незаметно.

Однажды мы отправились на «моцион» на машине. Юджи пригласил нас с Тэа в свою машину. Мы проехали через весь Мумбай от Джуху до полуострова Ожерелье Королевы – места средоточия зажиточных домов и бизнес-офисов. Молодой индеец, которого Юджи называл «пилотом компании «Эйр Индия»», предложил ему пойти в Клуб военных офицеров неподалеку от Ожерелья Королевы, но вход иностранцам туда был воспрещен, и Юджи отказался. Без всякого сомнения, он бы принял приглашение, если бы был один.

Вместо этого мы поехали на пляж прибрежной линии Ожерелья Королевы. Постепенно кроваво-красное солнце опускалось в океан, и вдоль изгиба побережья к северной части Ожерелья начали мерцать светлячки городских огней. Мы остановились на обочине дороги и в закатном свете солнца шутили о манере Юджи критиковать школы Джидду Кришнамурти.

– Этот ублюдок таскал всех детей смотреть на закаты! Все это – стремление к удовольствию, ничем не отличающееся от наблюдения за прыгающими грудями женщины, говорю я вам!

На обратном пути мы ехали мимо знаменитых мумбайских трущоб, представлявших собой безрадостную картину убогих условий человеческой жизни. Самодельные временные лачуги, начинавшиеся от обочины, тянулись вдоль дороги на всем пути вплоть до Джуху на севере. Это была чудовищная экспозиция экономического неравенства. В замечаниях Юджи по этому поводу сочувствия не было: «Богатые воруют у бедных все на свете. Затем бросают им копейки, чтобы оправдаться перед самими собой, и называют это благотворительностью. Эти грязные ублюдки все разворовали на этой планете! И я не исключение. Мы все живем жизнью Райли, и вы и я. На Земле достаточно еды, чтобы прокормить всех, тогда почему же они голодают, хотел бы я знать?»

Будучи щедрым в юности, он приоткрыл ту сторону экономики благотворительности, о которой мало кто знал. Как только его школьные приятели, которым он когда-то по бедности помогал книгами и обувью, становились на ноги и достигали финансовой свободы, они тут же злорадно отворачивались от тех, кто испытывал нужду. Они становились, как он говорил, «жадными эгоистичными ублюдками, похожими на всех остальных». Поэтому, по его мнению, благотворительность была вещью абсолютно бесполезной. Он считал Индию страной нищих: «Индия получила свою свободу на блюде с золотой каемочкой, тогда как другим странам свобода досталась тяжело: люди сражались и умирали за свою свободу – в этом вся проблема».

Обычно, когда мы приходили утром, он сидел в гостиной, свет из террасы позади него подсвечивал копну светлых волос, белая шелковая пижама поблескивала, а руки во время разговора порхали, совершая непредсказуемые грациозные жесты. Он редко бывал спокойным: возникало ощущение, что перед нами постоянно двигается и мерцает язык белого пламени. Доносящиеся через окно звуки школы, расположенной неподалеку, наполняли комнату ритмом будней. В определенное время голоса и крики детей усиливались, а затем стихали снова. Медленно и незаметно опускался вечер, и темная улица снова становилась декорацией в театре, в котором ничего не происходит.

Забавно – слушать его было все равно что слушать себя. Мы легко могли сидеть часами, словно наблюдая за костром в темноте.

Простой обеденный стол фирмы «Формика» всегда был сервирован к обеду прежде, чем мы успевали это заметить. Несмотря на то что Юджи придерживался строгой диеты иди¹², он пробовал также другие блюда, чтобы поддержать компанию и выразить свою признательность хозяйке. Во время еды к нам присоединялась большая черная ворона, которая в это время устраивалась на подоконнике. Из столовой через коридор можно было видеть всю квартиру. Каменные полы и стены походили на отдраенную до блеска съемочную площадку какого-нибудь минималистского фильма. В глубине коридора служанка на четвереньках мыла кафельный пол или несла что-нибудь из одной комнаты в другую, словно сошедшая с полотна голландского мастера Вермеера индийская версия его героини. Комнаты были обставлены простыми столами, стульями, шкафами по моде 1960-х годов, а глянцевая плитка пола отражала свет так, что каждый предмет оказывался выделенным из окружающего пространства с математической точностью. Стены комнат были окрашены в прохладные зеленые и бирюзовые оттенки – уже слегка выцветшие, но приятные глазу.

Когда день клонился к закату и наступали сумерки, в комнате включалась свисающая с потолка на проводе лампочка. Косой солнечный луч, меняя угол падения и медленно перемещаясь по комнате, смешивал цвета на стене, чуть подсвечивая то один, то другой оттенок, помогая дню плавно соскользнуть в вечер. Комната словно сияла под воздействием замедлившегося времени. Что-то распахивалось во Вселенной, когда он сидел с нами; его тонкий неуловимый аромат пронизывал собой обычные предметы и помещения. Обстановка убаюкивала, и порой его голос возвращал меня к действительности, когда, очнувшись от забытья на низком диване с кучей подушек и уставившись в угол комнаты, я пытался сообразить, где нахожусь.

До меня постепенно начинало доходить, что я уже в течение получаса смотрю на ту самую свисающую с потолка лампочку и что у меня нет ни малейшего желания уйти.

– Духовная кома! – кричал он, если кто-нибудь засыпал, но все равно раз за разом происходило одно и то же.

Мы плавали в потоке его благозвучного, резкого, переливающегося голоса, который, подобно пламенеющим облакам на горизонте, гипнотизировал нас своей природной силой, в то время как он говорил, говорил, говорил... весь день и вечер без остановки.

– Проститутки – единственные, кто реально поставляет товар, и на их улице бывает праздник. Но даже у проституток жизнь когда-то заканчивается!

И так далее и тому подобное.

– Таково мое мнение! – обычно напоминал он нам, когда речь снова заходила о Джидду Кришнамурти. – Он как тот моряк. В каждом порту у него было по девушке. Но одна вещь восхищает меня в этом ублюдке! У него получилось сохранить это в тайне! Когда в деле замешано более одной женщины, это почти невозможно!

Эти фразы, повторяемые многократно, я запомнил наизусть, потому что они самостоятельно вползали в несуществующий ум и прописывались там, независимо от обстоятельств,

¹² Индийские рисовые лепешки. – *Ред.*

хотя в его присутствии обстоятельства, похоже, вообще имели мало значения. Встретиться с ним было все равно что открыть дверь в некое безвременное пространство, где вы находили то самое сладкое ничто, подвешенное в обычной жизни как удобный космический стул. Я никогда раньше не сидел так долго без ощущения скуки в ее привычном значении. Абсолютное отсутствие какой-либо деятельности с виду было похоже на скуку, но эффект имело совершенно противоположный. Чем больше я его слушал, тем менее скучно мне становилось. Меня поражало, что целыми днями я мог находиться в комнате, полной незнакомых людей, и беззаботно парить вместе с ними в воздухе как пылинки в луче света по имени Юджи Кришнамурти.

Я никогда не забуду, каким был свет в той комнате. Иногда мне хотелось заснять происходящее на видео, но я понимал, что механическое устройство не в состоянии передать окружающее его пространство – живое, пульсирующее светом и энергией. В то время я не знал, почему рядом с ним было так легко. Присутствие этого непостижимого человека помещало мир туда, где ему и положено быть, – в забвение. Бледные цвета стен, доносящиеся с улицы бормочущие голоса и ощущение прохладного пола под ногами в сентябрьской жаре Мумбая – вот и все, что существовало. Все остальное стирали его голос, его улыбка, его выпады. Даже если они оказывались крайне резкими, его комментарии вскрывали рану конфликтующего человеческого сознания.

Он снова говорил о духовности:

– Вы все попались на эту чушь. Я отказался процветать на легковерии и доверчивости людей!

А я процветал на голосе, повторяющем фразу с механической точностью. Он испускал непрерывный поток многогранных вибраций, образующих неповторимую музыку. Вибрации рождались с каждым его вдохом и растворялись снова в одном непрерывном движении. Он вздымал и разрушал мысли подобно океану, ритмично накатывающему на берег и размывающему его своими волнами.

Глава 12

«Вам не нравится то, что я говорю, потому что это подрывает всю индийскую культуру и психологическую надстройку, воздвигнутую на фрейдистской фальшивке».

До тех пор, пока он не появился, Юджи постоянно спрашивал:

– Где он? Где этот ублюдок?

Махеш Бхатт, его близкий друг, его голос в средствах массовой информации, его контраст и биограф, однажды наконец объявился. Громогласный голливудский режиссер/продюсер вошел в комнату так, словно ступил на сцену, рванув на груди мешковатую рубашку и орудуя телефонами, как пистолетами. Этот крупный круглый человек с благородным лицом и огромными драматическими глазами уставился на Юджи. Он был одет в униформу: черную рубашку и синие джинсы с отворотами. Сделав театральную паузу и задержавшись в дверях, он крикнул так громко, что мы вздрогнули от неожиданности:

– Я пришел!

– О Господи! – пробормотал Юджи, отпрянув и закрыв уши руками, а затем закричал на него:

– Эй! Ты где был?

Игнорируя вопрос, Махеш вышел в центр сцены, ступая осторожно, словно охотник, напротив которого находится опасный рычащий и воющий зверь, чувствующий добычу.

– Эй! Ты почему еще живой?

Неожиданно он превратился в зверя, присмирившего в присутствии великого волшебника.

– Юджи, нет! Ты меня уже убиваешь! Я же еще молодой! Мне еще рано уходить!

Снова превратившись в охотника, он сложил из пальцев фигуру, напоминавшую пистолет, и направил на него.

– Помогите мне! – сказал он нам, стреляя сверкающими глазами по комнате. – Я должен убить его до того, как он убьет меня!

Снова пригнувшись, дразня и угрожая «пистолетом», не забывая поглядывать на нас, он подошел совсем близко к Юджи, бесцеремонно плюхнулся на пол и уселся со скрещенными ногами, бросая взгляды во все стороны. Затем он вцепился в ногу Юджи, а тот отпрянул и с притворным удивлением закричал на Махеша:

– Эй! Ты, ублюдок!

Тогда Махеш схватился за ножку стула и начал трясти ее, крича:

– А-а-а-а! Юджи!

Вдруг Юджи стал похож на маленькую хрупкую птичку. Махеш снова неожиданно изменился, превратившись на этот раз в дикого, но не опасного кабана, замершего перед хрустальным кристаллом. Юджи опять закрыл уши руками, прижав седые волосы к голове, в то время как Махеш громко затянул мусульманскую молитву: «*La ilaha ill Allah hu Akbar!*»

Он был просто мощным потоком свежего воздуха. Столько энергии! Он смеялся, когда Юджи в ответ крикнул ему:

– *Hindi motboliay! Chopra hou!* – и объяснил: – Эй, это я тебе говорю! Я сказал тебе на хинди «заткнись», то есть «закрой-свой-огромный-рот».

Тогда Махеш поднялся и встал позади него.

– Юджи, как поживает твоя грудь сегодня? – Он потянулся к его груди, словно собираясь ласкать причину своего гормонального взрыва. Этот эпизод стал потом знаменитым в изданной Махешем биографии Юджи.

– Эй ты! Брысь от меня! – закричал Юджи.

Оправившись от этой беспримерной дерзкой фамильярности, я понял, что эта игра доставляла удовольствие обоим, и Юджи на самом деле не был шокирован. Никогда я еще не встречал никого, кто мог бы сравниться с Махешем по количеству фонтанирующей энергии, шуток и игр, которых у него всегда было полно в запасе для крошечного мудреца. И похоже, Юджи это нравилось. На протяжении всего этого спектакля он старался спрятать улыбку.

Наконец Махеш уселся на полу, но не успокоился: он схватил газету и начал читать заголовки, завалив Юджи вопросами о политической обстановке в Индии и на планете, о том, что ему следует говорить и делать, а что следует говорить и делать индийцам. Юджи резко высказывался против индийской политики, политиков, гуру и ученых мужей в целом. В итоге, вспоминая события истории, осыпая проклятиями «духовную помойку, которая называется Индией», он напомнил Махешу:

– Ты должен сказать это! Ты единственный, у кого хватает духа противостоять этим ублюдкам!

Махеш мог сказать в индийских медиа все, о чем бы Юджи его ни попросил. Можно было легко недооценить опасность такого послушания, но под руководством Юджи Махеш за эти годы превратился в очень мощную публичную личность. Юджи всячески побуждал его использовать свои таланты во всех сферах, не поступаясь свободой выражения.

«Бешенные псы» из Белого дома только что развязали войну в Афганистане и Ираке, и Юджи говорил о влиянии Америки на Индию. Они часто обсуждали тему использования Индии в качестве рабочей силы, новую экономику, с которой приходилось считаться. Юджи клял американцев задолго до появления Джорджа Буша на индийской земле:

– Индия пригласила Америку, чтобы та пришла и оттрахала эту страну!

Это был один из самых яростных его выпадов, и я съезился от крепких выражений, сказанных при людях, которые казались мне утонченнейшими индийскими душами, впитывающими каждое слово Юджи. Много позже я узнал, что делать подобные заявления относительно политики Индии было очень небезопасно, и лишь очень немногим подобное сходило с рук.

Индийские друзья, остававшиеся при нем многие годы, были серьезными людьми, понимавшими, что перед ними – бриллиант. Они бы снесли от него что угодно. В отличие от многих других гуру, имеющих толпы фальшивых в своем большинстве последователей, он был практически неизвестен в широких кругах духовной Индии, и вряд ли существовал человек, которого бы это заботило меньше, чем его. В начале 1970-х годов его первое публичное выступление привело к нему тысячи людей и было широко освещено в СМИ в Бангалоре. После этого выступления он больше никогда публично в Индии не выступал. Многие из тех, кто услышал его в тот раз, остались с ним на долгие годы. Он был абсолютно, инстинктивно эффективен в каждом своем движении.

– Индия – это духовный отстойник, и за то, что она сделала с планетой, она должна быть стерта с лица земли! – крикнул он, сделав резкий, экспрессивный, широкий сметающий жест в сторону комнаты.

– А как насчет Америки, Юджи? – спросил Махеш и, указав на меня, добавил: – Смотрите-ка, а среди нас есть кое-кто с Запада!

Направленный на меня обвиняющий указательный палец, принадлежащий видной общественной фигуре Индии, заставил меня почувствовать себя не в своей тарелке. Юджи проигнорировал слова Махеша и продолжил:

– Америка тоже должна исчезнуть с лица земли, но не думаете ли вы, что они захотят уйти красиво? Ни за что! К сожалению, они унесут с собой все формы жизни на этой планете!

Махеш снова повернулся ко мне, зачитывая вслух заголовок статьи о Бен Ладене с первой страницы газеты. Его интересовало мое мнение обо всем этом. У меня возникло противоречивое чувство внутри. Дело в том, что я считаю, что лгут все политические партии, все они мошенники и воры: и Бен Ладен, и Буш, и все остальные. Больше я о них ничего не думаю.

Позже, когда он спросил меня что-то типа: «Что ты здесь делаешь?» и, обращаясь к Юджи, заметил: «Да он просто свихнувшийся ребенок», Юджи вернул ему его же слова: «Ты сам свихнувшийся ребенок!» На этом все.

Впервые я почувствовал какую-то враждебность по отношению к себе, но в то же время испытал облегчение, потому что Махеш выразил то, что, как мне казалось, могли испытывать ко мне и другие. Если нужно было рубить правду-матку, на него можно было рассчитывать.

Разговор продолжался, пока наконец у Махеша не зазвонил один из его телефонов. Прижав трубку к уху, он удалился на застекленную терраску позади Юджи и, бурно жестикулируя, начал что-то обсуждать приглушенным голосом по конференц-связи. Он шагал перед окном взад-вперед, словно лев в клетке, периодически дергал себя за рубаху и что-то говорил то в одну, то в другую трезвонившую трубку – так продолжалось до конца встречи.

Приходили и уходили еще какие-то друзья Юджи, многие казались мне знакомыми – я помнил их по видео, которые смотрел раньше. Было ощущение, словно все происходит во сне.

Затем Юджи уехал, и вместе с ним уехала причина моего пребывания в Мумбае. Однако до отлета у меня оставался еще месяц и мне нужно было как-то его убить. Похоже, это было не самое плохое время для того, чтобы попутешествовать по стране и почувствовать ее. Юджи советовал побывать в местах, о которых принято хвастаться, чтобы поставить галочку в своем списке и забыть об этом. Именно так я и поступил, узнав о стране за три недели больше, чем за последующие три года.

Глава 13

Декабрь 2002

«Притяжение есть действие».

Шел только первый год моего знакомства с Юджи, а я уже успел побывать в Швейцарии и Индии. И вот теперь, в тот же год, я направлялся в Калифорнию в третий раз в моей жизни.

Люди съезжались к Юджи на рождественские каникулы отовсюду: приехали Гуха с Нью-Йоркершей, Йогиня, пара из Германии. Разговором, как всегда, заправлял Юджи. Каждое утро происходило примерно одно и то же. Мы встречались в его маленьком домике, примыкавшем к главному дому, в котором на тот момент жили какие-то его местные друзья.

Слегка потертая мебель из «ИКЕА», абсолютный порядок, календарь на одной стене, часы на другой. Послание Юджи заключалось скорее в эффективном каждодневном функционировании, чем в высоких идеях о духовности, истине или логике. К последним он относился просто как к куче мусора. Он был сосредоточен на том, что его окружало, и терпеть не мог умных дискуссий о чем-либо еще. Его образ жизни, его жилье, его манера выражаться были одним непрерывным движением, это была трехмерная живая книга жизни. И если вы были достаточно наблюдательны, вы могли учиться у него непосредственно, безо всяких объяснений.

Для каждого посетителя у него находились свои варианты одного и того же приветствия с подковыркой: «Доброе утро! Насколько доброе это утро? Я не вижу никакой причины называть это утро добрым! Вы все говорите, говорите, говорите, а каков план вашей игры? Я не собираюсь сидеть здесь весь день с выпученными глазами!»

Независимо от времени суток его функционирование всегда было направлено на вмешательство мысли, возникавшей в окружавших его людях. Это было его постоянным, никогда не прекращающимся действием.

Одним из стандартных вопросов, которые он часто задавал кому-нибудь лично или всем сразу, был: «В вашей жизни это работает?» И действительно, жизнь Джидду Кришнамурти и подобных ему людей вовсе не являлась подтверждением его слов, его учения. Юджи любил шутить по поводу подарков, которые люди дарили Кришнаджи. Особенно часто он вспоминал «Мерседес Бенц» последней модели. Джидду Кришнамурти безумно любил машины, и когда ему был предложен шикарный блестящий автомобиль, он сказал: «Не дарите его мне, сэр! Подарите его нашей организации!»

И не важно, что он был единственным, кому позволялось трогать это сокровище, не говоря уж о том, чтобы на нем ездить. Не слишком ли много для человека, говорящего об «отсутствии учителя, отсутствии учения, отсутствии ученика» – так, словно он был авадохутой, блуждающим по улицам в набедренной повязке.

Первым делом, входя в комнату утром, Юджи начинал ругать или хвалить любого, кто попадался ему на пути, затем читал заголовки сообщений в Интернете, так называемые «Ссылки», или доставал кого-либо по поводу подходящего маршрута для путешествия.

– «Кабазон»! – мог предложить Рэй, которого я впервые увидел в Гштааде.

Это был торговый центр примерно в часе езды.

– Ты бесполезен!

Таков был стандартный ответ на большинство предложений.

Он постоянно угрожал нам тем или иным способом. Его угрозы были смешными и абсурдными, как угрозы ребенка или императора – никогда точно не знаешь. Затем, конечно же, он начинал рассказывать истории. Как-то Нарен сделал предсказание, касающееся отношений Марио и Лизы: итальянца, живущего в Германии, и американки, живущей в Палм-

Спрингс. Юджи называл Марио «чистильщиком грибка», но он так много курил, что мы его звали «Кумарио».

– Ха, ха, ха, ха! Созданы друг для друга! Он им сказал! Вы можете в это поверить?

Юджи говорил об астрологическом прогнозе, который немецкий астролог Нарен, знавший Юджи в течение многих лет, сделал им накануне их разрыва, и теперь Юджи его безжалостно подначивал. Он повторял эту историю много раз, и из подробностей всплывали другие истории об этой паре, так что ему было о чем поговорить. Как только он узнавал новые детали, он тут же выстраивал следующую версию – чем скабрее, тем лучше.

Еще одним средством, с легкостью вызывавшим у него взрыв бурных эмоций, были «Ссылки» – коллекция постов в Интернете, так или иначе касающихся Юджи. Лиза стала собирать эту коллекцию, когда ее отношения с Марио наконец зашатались под натиском Юджи. С явной гордостью зачитывая сообщение о семнадцатилетней девушке, которая любит панк-музыку, мороженое и Юджи Кришнамурти, он равно акцентировал внимание и на содержании поста, и на дате его размещения. Это было странно и весело.

Многие люди, среди которых были и старые и новые его знакомые, думали, что Юджи просто выпендривается, ведет себя как эгоист. На самом же деле, читая вслух эту «чепуху», он показывал несоответствие – реальное несоответствие языка и того, что он описывает. Таким образом он мог как-то общаться с людьми, не идя на компромисс и не превращаясь в «учителя». Он делал это очень умело. В то же время для тех, кто не осознавал этого, кто не понимал, что его слова мало что значат, что имеет смысл лишь то, как он живет, – что ж, им просто не повезло.

С другой стороны, если у кого-то был искренний вопрос, он, отвечая, становился таким же терпеливым или нетерпеливым, властным или мягким, как и задавший вопрос человек.

Здоровая пища была еще одной темой для порицания. Он считал, что здоровая пища – это миф, и то и дело употреблял вредную пищу вместе с нами. Он ел картофельные чипсы, соленые крендельки и пил кофе. Я даже не раз видел, как на остановке для отдыха на шоссе он ел кетчуп из пакетиков без картошки. Однако его ежедневный рацион был довольно аскетичным: он не ел мяса, яиц, печенья, тортов, не пил прохладительных напитков.

Проверка фактов не имела смысла в его присутствии. Наша ежедневная реальность основывается на нашем банке памяти, и каждый раз, когда вставал вопрос идентичности, он приводил пример: «Красная сумка, стул, твердый, мягкий! Вот что вы собой представляете, и ничего больше! Вы – коллекция воспоминаний, определений. Вы ни разу не смотрели на что-либо без того, чтобы не назвать это для себя!»

В этом смысле он рубил самую сердцевину глупых затасканных духовных историй и вместо них приводил практичные и применимые к жизни примеры того, как мы действуем, исходя из опосредованной информации. Истории из жизни его друзей, которые он нам рассказывал, были скроены таким образом, что делали явной ограниченность наших великих концепций.

– Но, Юджи, я прожила с ним треть моей жизни! Как же я могу уйти? – умоляла одна женщина, когда ее отношения шли к разрыву.

– Если ты действительно любишь его, иди туда и зарабатывай деньги на чистке унитазов! Но ты же не пойдешь зарабатывать деньги таким способом! – отвечал он, проигнорировав привычные слова утешения, которые мы обычно говорим своим друзьям в сложных жизненных ситуациях.

Жесткая реальность отношений между людьми находила в нем предельно ясное и простое выражение.

– Единственный вид отношений, который существует между тобой и мной, это «Что я от этого получу?», – обычно говорил он, хотя слова его противоречили его делам.

На самом деле он имел в виду движущую силу наших поступков, заставляющую вести разговоры о любви для того, чтобы оправдать собственное удовольствие, полученное за счет другого человека.

Истории Юджи были волшебным средством коммуникации, обнаруживавшим при ближайшем рассмотрении зыбкую и туманную природу фактов. Кто что кому сказал и зачем? Стоило чуть поскрести поверхность и факты рассыпались. Истина – это твое слово против моего, и в конечном итоге весь суд сводится к оружию, которым мы готовы защищать свое добро. Например, когда он говорил о Джидду Кришнамурти: «Все лишь пустые слова и пустые фразы, сэр!», в каком-то смысле он говорил обо всех нас, а с другой стороны, его самая суть была – ничто. Каждый раз, когда он выходил из комнаты, его отсутствие создавало вакуум, который быстро заполнялся словами, возникавшими в нас, между нами, независимо от нас.

Рассказы о его друзьях высмеивали наши представления о себе, и, приспосабливая нужную историю к текущему моменту, он держал на мушке каждого. Он практически не использовал обычные для духовных учителей истории; вместо этого главными героями его метафорических баек становились его друзья. Если вы выбрали быть в его присутствии, то история вашей жизни использовалась для атак на концепции, на опосредованный опыт, наполняющий собой большую часть человеческой жизни, на то, что отделяет вас от жизни. Его рассказ мог быть мощным, точным и болезненным или унижительным, выкорчевывающим все второстепенное из большинства учений и достигающим нервных окончаний самой вашей жизни. Он копался в грязном белье, но его мишенью была мысль – во всех ее возможных видах и вариантах. Если он хотел использовать какой-то из традиционных текстов, то умудрялся выразить в одном предложении всю суть учения:

– Бездействие есть действие. Вот ваша Гита.

Он доносил это так, что шанса не понять не оставалось. Это было более чем великолепно. Он был источником, не ссылкой.

Случалось, кто-нибудь пытался его поправить, тогда он отвечал: «Не будь немцем, который всегда кричит: «Я прав! Я прав!» Тебе всегда хочется чувствовать себя на коне». Тот факт, что ничему иному не было позволено случаться в его присутствии, иногда сводил меня с ума. Это случалось часто. Он каким-то образом обрубал все внешнее и заставлял тебя оставаться сфокусированным на нем, хотя ты об этом даже не подозревал, поскольку было ощущение, что ничего не происходит. Люди говорят, что это звучит жестоко, но я никогда не встречал более сострадательного человека в моей жизни. Он не боялся встретиться с фактами лицом к лицу, в то время как большинство людей бегут от них, как от чумы, чтобы не нарушить баланс социальных взаимодействий. Если ты ничего не инвестировал в создание собственного имиджа в глазах других людей, то ты имеешь огромное количество энергии для самовыражения. Именно по этой причине нам так нравится наблюдать за детьми. Они просто утверждают то, что видят, пока мы, взрослые, не научим их нашим правилам игры: ложь, ложь, ложь и еще раз ложь.

– Я подрываю саму основу человеческой мысли! – заявлял он наигранным высокомерным тоном.

Его нападки в результате облегчали бремя концепций, стоящих преградами на пути жизни – той самой жизни, от которой мы постоянно хотим отгородиться. Если мы сопротивляемся, то испытываем боль, а не сопротивляться не можем, поскольку рутина знаний и есть то, что составляет саму структуру личности. Рядом с ним идеи постоянно горели в огне. Он поливал бензином и бросал зажженную спичку в то, что ты холил и лелеял, равно как и в то, что ненавидел.

– Вас не может интересовать то, что я говорю! Это будет окончанием вас – таких, какими вы себя знаете и какими ощущаете!

Тогда что же нас интересовало? Полагаю, что развлечения самого разного рода. Честно сказать, если честность возможна в принципе, других объяснений я не вижу.

– Вы все ищете счастья, в котором бы не было ни одного несчастливого мгновения. В этом весь ваш поиск, и нет разницы, ищете вы его в баре или в храме.

Если ему указывали на то, что он сам когда-то сидел и слушал Джидду Кришнамурти или медитировал, он не отрицал этого:

– Когда я был молодым и глупым, я так поступал, но ничто из этого не помогло мне ни на йоту.

– Боль – это целитель! – говорил он в других случаях. – Но вы постоянно стараетесь устранить проблему и сбежать, что только ухудшает дело.

Одного взгляда на манипуляции нашей фармацевтической промышленности достаточно, чтобы оценить точность его слов. Наши идеи о способах лечения внушаются нам компаниями, занимающимися продажей лекарств, которые используют тактику запугивания, чтобы поддерживать нас «здоровыми».

Когда я слушал, как он рассуждает о фашизме мыслей, мне пришло в голову, что механизм, генерирующий идеи, является лжецом. Единственная реальная польза логики в том, чтобы применить ее по отношению к тому, что видится как угроза самой логике, – идее об алогичности. Если нет логики и нет алогичного мышления, тогда что? Пустота непереносимая.

Идентичность – это фикция, которая по кусочкам собрана из информации, призванной заставить нас точно следовать по заданной траектории обусловленности. Заданная траектория – это форма конфликта, фашизм идей – в противовес неизвестному. Его катастрофа уничтожила эффективность личности, возвращенной шаманами культуры с Пятой авеню. Всякое «понимание» с моей стороны, способность собрать воедино данные выводы и выразить их здесь словами не в состоянии остановить бесконечный процесс. На самом деле это все, что я могу сделать.

Это одна из болезненных реалий, с которыми я столкнулся, находясь рядом с Юджи. Это ловушка, в которую попадают люди, ошибочно полагающие, что раз они «поняли» то, что он говорит, значит, они «постигли». Осознать тот факт, что постигать нечего, не так легко, как кажется. Популярные книги о дзен и дешевая фундаментальность, которую они предлагают, тому подтверждение.

«Мысль контролирует это тело до такой степени, что, когда контроль ослабевает, нарушается весь метаболизм».

После «катастрофы» идентичность Юджи представляла собой набор идей, продолжающих свое существование в организме, известном внешнему окружению как «Юджи Кришнамурти». Для него же эта история закончилась. Болезнь под названием «личность» была удалена хирургическим путем по случайному стечению обстоятельств. В какой-то момент я осознал, что эта болезнь настолько полно владеет мной, что избавиться от нее почти невозможно. Я видел это явно, когда пытался медитировать, а шум в голове только усиливался. Опять же мантры, обманчивый механизм, производящий белый шум...

При этом Юджи никогда в качестве альтернативы не предлагал избавиться от мыслей. На самом деле, когда ум занимает должное место, он выполняет нормальную здоровую функцию, помогая нам выживать. Память и инстинкт самосохранения настолько глубоко впаяны в тело, что, как рассказывал Юджи, происходящие на уровне клеток изменения во время «катастрофы» едва не убили его. Мы обычно пытаемся изменить образ мыслей, заменяя одну мысль или концепцию на другую. Идея того, чтобы не заменять мысль ничем, невыносима.

По его словам, для нас было бы лучше оставить его, уехать и заработать «много-много денег», чтобы, как он мягко выражался, мы могли «жить в страданиях и умереть в страданиях». Однако, если кто-то действительно собирался покинуть комнату, он останавливал его.

Седовласый гном, облаченный в наряд кремового цвета, с босыми ногами, удобно устроившимися на хрупком журнальном столике из стекла и пластика, он приветствовал нас каждое утро. Сквозь шторы в восточной части комнаты просвечивало неяркое утреннее солнце.

– Насколько хорошо это утро?

Я сидел рядом с ним на стуле, и пока он продолжал говорить, игрался с ремешком своих часов. В какой-то момент я порвал ремешок, и у меня появилась причина сходить в торговый центр.

Время от времени он, словно пробудившись ото сна, спрашивал нас: «Что с вами, люди? Почему вы здесь сидите? Я просто повторяю одно и то же снова и снова».

Периодически я был полностью с ним согласен. Даже после поездок в Швейцарию и Индию – двух достаточно длительных путешествий, целью которых было увидеть этого человека, – я задавал себе вопрос: если все, что он говорит, правда, то не придурок ли я тогда?

«Что, черт возьми, со мной не так? Что я здесь делаю?» Я спрашивал сам себя, снова и снова вертя в руках часы, рассматривая ковер или считая людей в комнате, пока остальные впадали в транс.

Меня то и дело подрывало, и я выходил курить – я снова приобрел эту привычку в Индии в Бенаресе, где воздух был таким грязным, что не было разницы: дышать им или курить. Я незаметно уходил и шел бродить по широким пустым улицам Палм-Спрингс, где одинаковые дома бесконечно тиражировали себя в бесконечности, подобно разговорам Юджи. Курение выручало: я уходил, немножко прогуливался, выкуривал сигарету, затем неожиданно начинал беспокоиться о том, как бы не пропустить что-то важное, и при полном отсутствии каких-либо еще занятий возвращался, чтобы обнаружить по-прежнему болтающего Юджи. «Я здесь как магнитофон: вы нажимаете кнопку и заставляете меня говорить».

Неудивительно, что в комнате рядом с самым удивительным человеком на этой чертовой планете было не более десяти человек! Он держался в тени еще задолго до «катастрофы» – казалось, он знал, за что стоит бороться: за ничто. Вместо того чтобы обрести армию поклонников, он направил всю свою энергию на горстку счастливиц, способных разглядеть то, что находилось за яростными отрицаниями и взрывными эмоциями. В нем было что-то такое беззащитное, какая-то глубинная обнаженность. Как он говорил, его раздели и не сказали, где осталась его одежда. А позже он понял, что одежда ему не нужна, и теперь пытался убедить в этом нас. В нем чувствовалось естественное смирение, проистекающее из осознания того очевидного факта, что ты не можешь раздеться самостоятельно. Тебя раздевают.

«Как только оно стало чистым *от себя и само по себе*, тогда ничто не может задеть его, *ничто* больше не может загрязнить его. Все прошлое вплоть до этой точки присутствует, но оно больше не может влиять на твои действия».

Мы отправлялись в длительные поездки к торговым центрам или просиживали долгие дневные часы в гостиной центрального дома. Потертая ручка дивана или фотография каких-то морских существ, висящая за ним слишком высоко под потолком, – детали этой гостиной просто впечатались в мой мозг. Он сидел там, сплетая кружево из слов с фантастическим и ужасно смешным изяществом. Его монолог был полной импровизацией, язык и смыслы создавали в воздухе некую вибрацию, которую кроме как ароматом назвать было нельзя.

Иногда у меня в животе возникало явственно противное чувство, что надежды на получение чего-либо нет. Затем мои подозрения усиливались, но каждый раз очарование его компании брало верх над моими реакциями. В целом все это было утомительно. После целого дня слушания Юджи, реагирования на него, реагирования на других людей в комнате, попыток удержания нити разговора, провала этих попыток, попеременных состояний скуки, голода, злости, подавленности и повторения того же цикла я возвращался домой в состоянии коллапса.

В конце каждого дня мы с Йогиней отправлялись в «Арнольд Палмер Люкс», названный так в честь знаменитого гольфиста, которого обожал мой отец. С прошлого лета наш сексуальный союз уже расстроился. В попытке «прояснить» ситуацию и сконцентрироваться на главном

объекте – Юджи я успел испортить все, что собиралось начаться между нами, снова вступив в отношения с моей старой подружкой, с которой тоже вскоре расстался.

Между тем Йогиня вела себя так, будто ничего не произошло. Она пекла картошку на ужин, пока я смотрел ранние серии «Клана Сопрано» по старому кабельному телевизору. Мы делились друг с другом общим ощущением смятения и одновременно радости от его присутствия, затем она удалялась во вторую комнату, чтобы похоронить себя под кучей одеял, а я шел курить на террасу под холодное покрывало звезд, чтобы незаметно позвонить подруге в Нью-Йорк. Я был благодарен Йогине за компанию. В комнате Юджи ее улыбка была для меня словно маленький лучик солнца в штормовом море.

Ближе к Новому году народу стало собираться все больше, и в комнате становилось тесно. Юджи сказал, что собирается навестить друга в Северной Калифорнии и не хотел бы, чтобы наша толпа беспокоила его. В тот вечер все бросились в свои комнаты и начали лихорадочно звонить, пытаясь забронировать гостиницу на следующий день и найти в аренду автомобиль.

На следующее утро воздух в маленькой комнате искрил от эмоций. Он передумал. Накануне я пошутил, что выстроившаяся перед дверью обувь делала его комнату похожей на ашрам. Теперь он, как царь Соломон, использовал мою шутку в качестве предложения, чтобы сократить толпу наполовину. Он часто хвастался тем, что в детстве бабушка называла его «kara katulka», что означало «сердце мусульманского мясника». Когда она отказалась уезжать из дома ее покойного мужа, он привел туда семью неприкасаемых, и она уехала в течение часа. Он никогда не страдал сентиментальностью. Каждый раз я съеживался в кресле, когда он благодарил меня за мое замечание о том, что его дом превращается в ашрам. В недвусмысленных выражениях он велел Лакшми и Гухе, Нью-Йоркерше, немецкой паре и еще нескольким людям ехать осматривать достопримечательности прекрасного Сан-Франциско. Он ни за что не хотел ехать с ними.

– Если вы останетесь, я уеду, и можете забрать ту сучку с собой! – сварливо сказал он, даже не удостоив взглядом даму из Нью-Йорка.

Я ждал, что он и меня отошлет паковать чемоданы вместе с остальными за мое «остроумное» высказывание накануне. Но кто знает, может быть, именно оно и было причиной, по которой он не заставил меня уехать. Наконец, он разогнал народ.

Практически ежедневно мы совершали длительные поездки. Я помню, однажды мы поехали в казино в соседний город. Юджи загребал выигрыши всех игроков себе.

– Что мое, то мое, а что ваше – то тоже мое! – объявил он, смеясь.

Мы тоже смеялись вместе с ним.

Глава 14

«Это не чтение мыслей; это всего лишь эхо-камера: что происходит там, происходит и здесь. Ты не можешь этого делать; ты хочешь расшифровывать каждую мысль, все переводить».

В мае 2003 года я сдал в аренду свою квартиру в Нью-Йорке на три с половиной месяца, чтобы побыть это время вместе с Юджи. Сим-карта, купленная в аэропорту Цюриха, отказалась работать на моем телефоне, вернуть деньги за нее не получилось, и мне пришлось потратить 200 франков на новый телефон. Неделью спустя я случайно утопил его в озере Лаунен. Еще через неделю у меня полетела материнская плата в компьютере. Когда до меня дошло, что я наделал, решив остаться в Гштааде на три с половиной месяца, по спине пробежал холодок страха, который не отпускал меня затем в течение многих дней. Меня буквально трясло от волнения. Какого черта я собираюсь делать три с половиной месяца в этом дорогом городе альпийских коров с людьми, которых едва знаю?

Йогиня была одной из немногих счастливиц в этом мире, которым не нужно было работать. Она сняла небольшую приятную квартирку в городе на год и приглашала меня к себе. Несмотря на то, что между нами было, пусть даже не долго, она, кажется, не держала на меня зла. Я старался не думать слишком много о том, о чем я думал. Я снова порвал со своей девушкой – на этот раз навсегда, и намеревался полностью сосредоточиться на Юджи. Отличный шанс.

У меня был номер в отеле «Луди Хаус» – там же, где Юджи устраивал встречи. Кто-то сказал ему, что у меня были с собой слайды моих картин, и он немедленно потребовал устроить показ в комнате L, также известной как «Ад». Проектор сломался, и я вздохнул с облегчением. Однако на следующий день нашелся другой проектор и шоу продолжилось.

На третьем слайде он сказал: «Скучно!» и заснул в своем кресле. Щеки мои загорелись в темноте, но я продолжил показывать до конца. На последнем кадре он проснулся и подытожил: «Ты ужасный художник!»

Возможно, он был прав. Дело в том, что я потратил годы, работая в офисе, чтобы прокормить себя. Мне нравилось рисовать картины, но я ненавидел их продавать. Позже он постоянно повторял мне, что картины ужасны и никто их не купит. Но я так до сих пор и не бросил это занятие.

Моя комната была на верхнем этаже с большим окном в наклонной крышей над кроватью, плитой, холодильником и раковиной. Душ и туалет находились в коридоре. Йогиня описала деревянную обивку интерьера как «ранний Дракула». В первый день она пришла ко мне, упала на кровать и, глубоко выдохнув, сказала: «Как здорово, что у тебя есть возможность исчезнуть так легко». (Все то лето наши встречи проходили в здании.) «А мне, чтобы уйти, нужно пешком тащиться через весь город».

Она так легко плюхнулась на мою кровать, что я занервничал. Она определенно хотела устроиться как можно более комфортно. Не знаю, о чем думала она, но я подумал: «Только не это снова!» Когда народу стало больше, встречи стали проходить этажом ниже в комнате большего размера. Мне было поручено организовывать кофе во время перерыва. Пару раз Йогиня помогала мне, но когда появились дети Гухи и предложили свою помощь, она быстро исчезла со сцены. Шилпа рассматривала свои волосы в зеркале над раковиной, Сумедха стучала венчиком по молочнику, взбивая сливки и глядя при этом в телевизор. Ее движения становились все медленнее и медленнее, пока я не вывел ее из мультикового транса. Йогиня появилась в дверях, засмушалась и удалилась. Она была такой застенчивой, что малейшая конкуренция заставляла ее ретироваться тут же.

В первый же вечер в большой комнате возникла неловкая ситуация, когда мы с Юджи дурачились. Было уже поздно, фактически уже нужно было расходиться, а я уже готов был начать шуточные препирательства по этому поводу – мне нравилось смотреть на его реакцию и просто смешить народ. Я не мог сопротивляться искушению похохмить, когда все остальные сидели в глубоком молчании. Иногда мы с Юджи были похожи на двух сорванцов, дурачившихся на задней парте в классе.

Как бы там ни было, я что-то сказал, чтобы спровоцировать его, и он толкнул в мою сторону ногами тяжелый деревянный журнальный столик. Он улыбался, думая, что я не осмелюсь толкнуть его назад, поэтому, конечно же, улыбаясь, я тоже толкнул его. Он снова толкнул, припечатав мой стул к шкафу, стоящему позади меня. Меня удивила его сила. Пристально глядя ему в глаза, я снова медленно толкнул столик, в то время как его стул отодвинулся назад и стукнулся о дверь. Кляц! В этот раз он очень быстро снова толкнул столик на меня и стекло шкафа за мной задребезжало. Теперь я был надежно прижат к передней стеклянной стенке шкафа, прикрученного к стене.

На секунду воцарилась тишина. «Хм, что теперь?»

Я поднялся, схватился за край тяжелого деревянного стола и сделал вид, что собираюсь перевернуть его на Юджи.

Он просто улыбнулся мне, как съевший канарейку кот, но комната по краям потемнела. Остальные, очевидно, думали, что я действительно мог опрокинуть стол на него. Юджи был известен своей способностью привлекать к себе безумных людей и никогда ни за что не отступал, если существовал риск, – наоборот.

Ситуация перестала быть смешной, нужно было давать задний ход. Я сел и спокойно поправил стол.

«Шутка».

Разве это было не очевидно? Полагаю, что нет. Пару человек реально плакали. Я покраснел от смущения, когда увидел всю картину. Страх был заразителен: хотя я не собирался никоим образом причинить ему вред, а что, если я уже это сделал? Он меня не остановил.

«А что, если я действительно причинил ему боль? Блин! Он такой старый, возможно, я сломал ему ноги!» Эти мысли молнией пронеслись в моем мозгу, и на лбу выступил пот.

Мертвая тишина висела в комнате, когда он обычным тоном сказал, что пора расходиться. К тому моменту как комната опустела, я уже принял решение уехать из города утренним поездом.

Один парень, заметивший, видимо, выражение моего лица, сказал: «Луис, то, что произошло, уже закончилось. Не волнуйся».

Для меня ничего не закончилось. Мне казалось, все только начинается. Я в панике вышел из здания и отправился пешком как можно дальше от всех. «Что, черт возьми, со мной не так? Мне здесь жить еще три месяца, а я уже в беде!»

Позавтракав в номере на следующее утро, я нерешительно спустился в комнату, все еще намереваясь уехать из города следующим поездом. Я тихо сел в дальнем углу комнаты.

Юджи посмотрел на меня, взгляд его был настороженным. Это меня подкосило.

– Доброе утро.

– Доброе утро.

Затем я заметил, что когда я расслабился, он расслабился тоже. Все закончилось.

Тем летом он однажды меня ударил. Я не помню, о чем он говорил, но движение было совершенно внезапным. Во время разговора я сидел рядом с ним на полу, и вдруг неожиданно – бац! – он треснул меня по лицу. Я был в шоке, но боли не чувствовал.

«Настоящий учитель загонит тебя в угол, перекроет все пути к спасению».

Он действовал в соответствии с фразой, которую постоянно повторял все эти годы, находя угол, в который нужно было меня загнать, а мое дурацкое поведение подкидывало ему идеи.

Глава 15

«Вы думаете, что чем больше вы слушаете, тем более для вас это становится понятным; но ясность мысли еще более затрудняет понимание того, о чем я говорю».

В течение трех месяцев я каждый день сидел рядом с ним на полу. О том, чтобы сделать перерыв, не могло быть и речи. Я сидел, прислонившись спиной к телевизионной тумбочке, пока тело не начинало ныть. Почти каждый вечер он заставлял меня пародировать, и ему это никогда не надоедало. Даже когда я уже был сыт по горло, он хотел еще. Я переживал из-за того, что мои пародии могут сказаться на отношениях с окружающими, но его это не волновало. Он мог выбрать кого-либо из присутствующих и настаивать, чтобы я изобразил его, до тех пор, пока я не сдавался.

– Он очень наблюдательный! – одобрительно повторял он раз за разом, в то время как у людей с каждым представлением в глазах появлялось все больше и больше настороженности.

«Только не меня!» – говорили их умоляющие взгляды, но выбора у меня не было.

Ни за что на свете я не хотел бы оказаться на их месте. Дело набирало обороты, и скоро я уже готов был делать что угодно, лишь бы все смеялись. К счастью, к тому моменту, когда начинался беспредел, народ уже катался по полу. Разрешено было все. Однажды я имитировал секс с большим круглым столом для иллюстрации «крутых тантрических техник». Его смех был невероятно заразительным, он утверждал, что никогда раньше так не смеялся. Конечно, я не верил, но мне бы хотелось, чтобы это было так.

Прекратить это представление можно было только одним способом – выйти из комнаты.

Не знаю, зачем ему это было нужно. Когда Махеш появился тем летом, он все время повторял: «Юджи тебя подталкивает!»

Подталкивает к чему? Я думал об этом. Возможно, таким образом он хотел подвести меня к новой профессии. Мои картины не приносили мне дохода. Так может, я мог бы стать комедиантом? Плохо, что я такой ленивый. Меня не привлекала идея двигаться в этом направлении. В шоу-бизнесе у меня была подруга, но она была серьезной бизнесвумен со всеми регалиями. А у меня ничего не было.

Он же продолжал толкать и толкать. Возможно, таким способом он хотел показать людям их образ себя. Но меня он явно использовал. Йогиня считала, что с моей помощью он раскрывал энергетику в комнате. Я никогда не понимал, что означает этот нью-эйджевский вздор.

Его улыбка была настолько лучезарной, что дурное настроение, периодически возникающее как гром среди ясного неба, казалось еще более страшным на ее фоне. В то лето он однажды спустил на меня собак, и это было похуже пощечины. Не помню вопрос, который вызвал его реакцию, но ни с того ни с сего он вдруг повернулся ко мне и с яростью сказал: «Если ты действительно хочешь знать все о жизни после смерти, прыгни с крыши и разбейся насмерть!»

Он сказал это с такой злостью, что я покраснел и слегка подался назад. Не успел я прийти в себя, как он голосом, острым как мясницкий нож, начал разделять меня: он говорил, что мне нужно перестать тратить его время, болтаясь тут, объедая его друзей и занимая место. Я чувствовал себя цыпленком на вертеле, жарящимся в шипящем тоне его голоса.

Я снова стал перебирать имеющиеся у меня варианты. Куда мне идти? Что делать оставшуюся часть лета? Что теперь? Я мысленно пробежался по списку вещей, которые я сделал или не сделал для того, чтобы обидеть его, навлечь на себя его гнев. Вина католика расцветала во мне, но я не мог позволить себе застрять в этом состоянии. Было ощущение, что сила его

слов физически толкнула меня в мешанину вины и стыда. Мне понадобилось несколько минут, чтобы взять себя в руки, – это было похоже на попытку устоять в грязной скользкой ванне.

Если у кого-то и был к вам вопрос, так это у него. У него был вопрос, над которым можно было думать всю жизнь: «Чего ты хочешь?»

За вопросом следовало неоспоримое раздражающее разъяснение: «Вы хотите десять вещей! Если ваше желание будет сконцентрировано лишь на одной вещи в этом мире, вы получите ее гарантированно. Я вам говорю! Вы хотите все это и еще все то, у вас нет шанса!»

Мы с Йогиней оказались в тупике. Я залип на сексуальном желании: она всегда была там, удобно устроившись в другом конце комнаты, – эти вкусные ножки, соблазнительные изгибы и грустные, похожие на звезды глаза – все это находилось на диване часами и днями. Время от времени она совершала выстрелы по моей мнимой духовной дисциплине. Так, однажды, когда она раздавала шоколадные конфеты, а я сидел рядом с Юджи с закрытыми глазами, она толкнула меня ногой и насмешливо спросила: «Эй! Хочешь штучку?» Мне хотелось толкнуть ее в ответ, но вместо этого я поблагодарил ее и взял конфету.

Как-то вечером, когда некоторые из присутствующих стояли вокруг обеденного стола, она спросила, обращал ли кто-нибудь внимание на то, какие грязные у меня пародии. Никто не произнес ни слова. Она сама всегда смеялась вместе со всеми. Я редко пародировал ее, а когда делал это, старался быть особенно аккуратным. Вызвать смех, показывая ее движения балерины и исключительную йогическую гибкость, было очень просто, и она веселилась так же, как и все остальные. В чем-то она казалась очень сдержанной и хрупкой, а в чем-то – жесткой, как сталь. Она была постоянно меняющейся загадкой. В каждом ее движении присутствовал некий танец, тело выражало такую уверенность и победоносность, что это даже пугало. Ее ограниченный словарный запас был скомпенсирован набором рафинированных выражений лица, которые могли заставить любого почувствовать себя персоной на миллион баксов или же куском дерьма – достаточно было лишь одного ее мимолетного взгляда или недовольно надутых пухлых губешек.

В то лето приехал ее отец, и Юджи справился с ситуацией профессионально. Ее отец был бизнесменом с довольно консервативными взглядами, и то, что она осмелилась привести его к такому человеку, как Юджи, восхищало меня. Правда, иногда я сомневаюсь, была ли это смелость или расчет. Когда он вошел, Юджи вскочил и с распростертыми объятиями направился через комнату, чтобы поприветствовать его у двери. Он тут же сделал ход конем: «Она такая талантливая девушка! Как вы позволили ей оставить карьеру балерины? Посмотрите, она пришла к тому, что тратит свою жизнь на эту дурацкую йогу!»

Ее ошарашенный отец ничего не сказал и только улыбнулся, но Юджи произвел на него неизгладимое впечатление. Он тут же расслабился в этом театре абсурда, почувствовав себя среди абсолютно незнакомых людей так, словно воссоединился с семьей, и даже внес свой вклад в Максимы о деньгах, которые диктовал Юджи: «Скучен человек, который только и знает, как зарабатывать деньги», – весьма скромное заявление для человека, положившего жизнь на преумножение капитала с помощью одной лишь усердной работы и решимости.

Юджи тут же перевернул это утверждение с ног на голову: «Скучен человек, который не знает, как зарабатывать деньги».

Ее отец был вполне приличным человеком, но я несколько стеснялся знакомиться с ним. Он напоминал мне о моем отце, в том смысле, что вместе с его появлением здесь появилось все то американское, что заставляло меня чувствовать себя не в своей тарелке. Конечно же, я столкнулся с ними прямо на улице, в кафе, где они пили кофе. Заметив меня, Йогиня вскочила с места и представила своему отцу. Из-за нервозности я завел обычную нудную светскую беседу, описывая все красоты, которые можно увидеть, гуляя пешком по городу. Я болтал без умолку как идиот. Когда я закончил, она выдержала паузу и спросила с легкой улыбкой:

– Ты когда-нибудь сам совершал хоть одну из этих прогулок?

– Нет, конечно же, нет!

Мы все втроем рассмеялись, и он пригласил меня присоединиться к ним. Я собирался вернуться к Юджи, поэтому, пообещав составить им компанию в следующий раз, пошел назад, чувствуя себя как-то глупо.

Отец Йогини пробыл у нас выходные и в понедельник полетел назад. Он был настоящим тружеником.

В конце каждого дня, разминая затекшие после долгого сидения ноги, я подолгу бродил по городу вдоль реки Саанен. Проходя мимо квартиры Йогини, я обычно замечал ее на балконе, где она постоянно возилась с цветами, и она приветливо махала мне рукой. Бывало, прямо за углом ее дома, под уличным фонарем, я видел лису, мягко и грациозно исчезающую в кустах, когда я подходил ближе.

Не только я не мог перестать думать о Йогине, хотя в то время я о других не знал. Она не была невзрачной серой мышкой, которую можно было не заметить.

Глава 16

«Как только вы используете это, чтобы получить желаемое или прийти в какую-то точку, вы обманываете себя, вступая в ту же самую старую игру, – вот что вы должны видеть».

Тем летом Юджи диктовал Максимы денег. Он начал диктовать их Синди. Синди была «духовной» дочерью Преподобного (Рэя) и фактической дочерью Шарон, его молчаливой партнерши. Он начинал с черновых вариантов, затем тщательно шлифовал их до блеска – так, чтобы каждое высказывание касалось исключительно денег и ничего больше.

«Я надиктовал 108 штук с ходу за двадцать минут!» – заявлял он позже, хотя на самом деле ему понадобилось в целом около трех месяцев, чтобы достичь желаемой цифры в 108 максим.

Использование цифры 108 было одной из его причуд, имеющих отношение к «Великому Духовному Наследию Индии». Мантра повторяется 108 раз, во время пуджи называются 108 имен богов, богинь и божеств, 108 – одно из самых благоприятных чисел в индуистской традиции.

Как только возникал какой-то малейший разговор о деньгах, он обычно тут же кричал: «Мадемуазель! Запишите это!», и «потомок Сорбонны» лезла в деревянный шкафчик рядом с диваном, где хранила свой блокнот с черновиками, и начинала все заново.

Максимы денег заставляли народ неожиданно вспоминать о делах, которые им нужно было сделать в срочном порядке. Однажды я улизнул на балкон, забрался назад через окно в коридоре и сбежал из дома. Если он замечал, что кто-то уходит, он кричал: «Эй! Куда это вы собрались? Мне нужна ваша помощь!»

Со вздохом опустившись на свое место, люди были обречены погружаться в философию финансов в сотый раз.

Ему нравилось, как Йогиня произносила слово «деньги», растягивая его особенным образом, и он просил ее повторять его снова и снова.

– Мадемуазель! Скажите его! Скажите слово «деньги»!

Это был его способ вытаскивать ее из апатичного молчания и держать привязанной к себе. Ей это нравилось и она повторяла слово так часто, как он того хотел, произнося его мягко, нарочито протяжно – «маннэй».

Каждый раз они смеялись как дети, а потом за ними следом начинали смеяться и мы, дружно повторяя «маннэй!».

Было приятно видеть ее повеселевшей и немного отвлекшейся.

Он сочинял Максимы денег и дотошно выверял их, стараясь подчеркнуть их абсолютность, их независимость от каких бы то ни было духовных или религиозных тривиальностей. Он уже придумал свои Десять заповедей, точно так же перевернув с ног на голову все, что известно духовно ищущим:

1. Просто трахайся, не говори о любви.
2. Воруй, но не попадайся.
3. Поддавайся искушениям – всяким и разным.
4. Убей соседа, спаси себя.
5. Лучше быть собакой, чем святошей.
6. Ненавидь мать свою – бей суку.
7. Убей всех докторов – каких и как только увидишь.
8. Лучше мастурбируй, чем медитируй.
9. Ешь как поросенок, боров и свинья в одном лице.

10. Исчезни и не появляйся.

В принадлежащей Юджи ламинированной копии Десяти заповедей была размещена также его фотография, где он указывал на дорожный знак с надписью «Дорога в несчастье»; под фото была надпись: «Это не просто место, это твое право по рождению», а еще ниже, конечно же, «Хорошего дня!». Это «специальное издание» высвечивало скрытое предупреждение, которое люди часто не замечали.

Он всегда был ловкачом. Возможно, он перенял эту привычку у своего старого приятеля Джидду Кришнамурти, которого всегда обвинял в том, что тот «бросается абстракциями в людей». Он вывел этот вид спорта на новый уровень.

Несмотря на всю эту ерунду, если когда и существовал источник религиозных идеалов или поведения до того, как его заляпали грязью священники и пандиты, то он, вероятно, существовал в человеке, подобном Юджи. Ключом являлись его живые слова. Его жизнь являла собой подтекст этой явной чуши, и Максимы были всего лишь еще одним упражнением в стирании своей личности с помощью создания чего-то настолько скучного, нудного, примитивного и бессодержательного, что это ее уничтожало. Я их считал раньше и продолжаю считать сейчас удивительно пустыми и озадачивающими, подобно невысоким кирпичным стенам. Его жизнь была полной противоположностью того, на чем он настаивал как на самом важном, и Максимы денег представляют собой иллюстрированное руководство, описывающее реальное поведение человеческих существ за лживой маской разговоров о духовности.

Он также нашел прекрасную возможность проявить свою любовь к сленгу «американского андеграунда»:

Деньги в жизни рулят!

Делай деньги не мытьем, так катаньем.

Бери деньги и вали.

Позже один его друг-немец сделал из них колоду игральных карт, и Юджи с превеликим удовольствием предлагал их шокированным гостям. Те приходили в надежде на встречу с духовным учителем, а вместо этого им вручали карту с очень мудрым полезным советом, словно передавали секретный ключ от Вселенной. Юджи предлагал человеку вытянуть одну карту не глядя, просил передать ее ему, а затем торжественно зачитывал ее вслух: «Женитесь не на красотках, а на тех, кто умеет делать деньги!»

Люди в комнате начинали ахать и охать, а посетителю только и оставалось, что чесать в затылке. В некоторых местах язык был архаичным, но там, где речь шла о денежных отношениях, это не имело никакого значения. Тон библейских писаний был в тему; все, что высмеивало религиозное ханжество, приветствовалось, и нас просто тыкали носом в одержимость, которая владеет всеми нашими мыслями: Сколько это стоит? Где мне это взять? Сколько у меня есть? На сколько хватит моих денег?

Так же, как Максимы, эти беспокойные мысли продолжали носиться по кругу.

Священник в церкви, бомж на скамейке в парке, даже Билл Гейтс постоянно думают о деньгах.

Деньги говорят, богатство шепчет.

Нет денег – нет сладкой любви.

Позже он эффективно применял ко мне последнее выражение – для этого ему даже не нужно было бросать обычные косые взгляды на Йогиню. Вероятно, главной причиной того, что я даже не пытался развлечь себя мыслями о женитбе, были деньги. У меня их никогда не было. Поразительно, сколько отговорок я придумывал себе, объясняя такое положение дел, и сколько я при этом тратил энергии на беспокойство о нехватке денег! Зачем же добавлять к этому беспокойству еще беспокойство по поводу лишнего рта, а то и нескольких? Неудивительно, что я постоянно чувствовал себя виноватым после секса с девушкой. На каком-то уровне я чувствовал, что должен ей отплатить. Возможно, давали о себе знать издержки католического

воспитания, утверждающего, что женщина должна быть вознаграждена за грех, который ей пришлось совершить, или еще что-нибудь такое же безумное. Я боялся не любви, я переживал о деньгах. Есть ли разница? Я не уверен. И то и другое рождает самые сильные ощущения боли и удовольствия.

Юджи обычно говорил, что деньги – лучшая проверка на вшивость. Он никогда не зарабатывал деньги на том, что с ним произошло. Однажды его друг из Бангалора обвинил его в паразитизме. Юджи ответил: «Ну конечно! А почему бы нет? Кто не паразит?»

Игра с деньгами развела его и некоторых из его близких друзей, с которыми он дружил долгие годы, по разные стороны. Я слышал много историй о людях, которые были уверены в том, что Юджи грозит старческое слабоумие или что у него что-то не в порядке, одна группа обвиняла другую в плохом влиянии на него. А мне казалось, он дотрагивается до нерва, до очень мощного нерва. Если вы действительно хотите посмотреть, насколько кто-нибудь искренен, обратите внимание на его отношения с деньгами. Он прессовал людей по поводу денег все те годы, что я находился рядом с ним, – это правда, но он никогда не взял ни цента за возможность присутствовать рядом с собой. Часто он, не раздумывая, выделял большие суммы, если нужно было помочь другу в нужде, и при этом на себя никогда много не тратил.

Наблюдая за тем, как Юджи обращается с деньгами, я понял, что его слова вводят в заблуждение, и в своих Максимах он использовал это умышленно. Меня безмерно удивляли блеск и точность, с которыми он редактировал данный «документ», явно предназначенный для создания у людей неправильного мнения о нем. Некоторые были уверены, что больше всего на свете он желал им «грести деньги лопатой». Если бы они посмотрели на то, что стояло за его словами, они бы увидели совсем другую историю, вполне очевидную. Нельзя сказать, что он не желал людям иметь много денег, – вовсе нет, просто он был безразличен к этому вопросу, а подделать такое отношение невозможно. В своих легких и свободных отношениях с деньгами он был похож на великого артиста, чувствующего себя абсолютно естественно в знакомой ему театральной среде.

Тем летом он заставлял девочек петь песни о деньгах. Они делали это по его просьбе постоянно, и я до сих пор помню, как они впервые исполнили песню из «Южного парка» о маме Кайла.

– Девчонки! Спойте ту песню!

Конечно же, они знали, про какую песню он говорит, их улыбки их выдавали:

– Ты имеешь в виду песню суки, Юджи?

– Да, да! Именно! – отвечал он с нетерпением.

– Ну-у-у-у-у-у-у, мама Кайла, большая жирная сука, она самая большая сука во всем мире.

Они пели так быстро, что слова разобрать было практически невозможно, пели намеренно грубо, заканчивая песню долгим раскатистым «су-у-у-у-у-у-ка!».

И он снова заливался радостным детским смехом.

Песня нравилась ему также потому, что в ней затрагивалась еще одна из его любимых тем: «матери – чудовища».

– Все беды начинаются с матери! Моя мать говорила: «Я твоя мамочка, я твоя мамочка!» Кажется, я ее ударил. Потом она умерла. Вот когда разделение начинается: мамочка, стул, стол, красный стол – все эти слова отделяют вас от того, что находится перед вами.

Девочки пели вместе добрую часть своей жизни и потому их голоса звучали в унисон как у ангелов. Они пели «Битлз» «Деньги» («Вот чего я хочу»), а Люсия, их подруга из Италии, закольцевала ее:

Я хочу много денег,
Дай мне много денег,
Я хочу денег, я хочу денег

Вот все, чего я хочу.

Был также вальс от Нарена, исполненный с великим немецким усердием:

Делай деньги не мытьем, так катаньем,
Катаньем, катаньем,
Проси одолжить или воруй!
Воруй, воруй.

В это лето я подарил Юджи денег больше, чем дарил когда-либо кому-либо в своей жизни. Это был эксперимент.

По мере приближения к дате своего дня рождения он все чаще повторял, что люди присылают ему деньги со всех концов света. Нередко вокруг маленькой суммы он поднимал больше шума, чем вокруг большой. Без тени смущения он называл Преподобного дешевой мелкой скотиной за то, что тот дал ему тысячу долларов, и заявлял, что тот его обсчитывает. Нью-Йоркерша тоже была постоянной мишенью для оскорблений – при том, что она давала ему деньги чуть ли не до того, как он успевал заикнуться об этом. Зато если кто-то другой давал ему банкноту в пятьдесят франков, он мог говорить об этом до конца дня или недели.

В то лето удача повернулась ко мне лицом и мне предложили работу на арт-ярмарке в Базеле. Утром, когда я собирался уезжать на работу, Юджи в присутствии Махеша похвалил меня, по-моему, единственный раз в жизни, назвав «чем-то типа художника». Выходя из комнаты, я начал его благодарить, а он повернулся ко мне со свирепым видом и рявкнул: «Не благодари меня!» Махеш стоял там же. Оценив обстановку, он сказал со своим обычным напором: «Он дело говорит, мужик! Слушай учителя!»

Единственное, что я понял, так это то, что мне не нужно его благодарить, поскольку он ничего для меня не сделал.

За день до дня рождения Юджи я заперся у себя в комнате и стал готовить ему подарок. Это была книга его изречений о деньгах, иллюстрированная коллажем из журнальных вырезок и настоящих банкнот – все в юмористическом тоне. На следующее утро я положил книгу на его стул, в то время как у самого в животе порхали бабочки. В книге был весь мой заработок, полученный за работу на ярмарке: тысяча франков, тысяча долларов и тысяча евро. Даже когда я просто держал эту сумму в руках, у меня кружилась голова. Обнаружив книгу, он преувеличенно демонстративно открыл ее, быстренько повытаскивал деньги и начал расхваливать то, что он называл «картинами». Я был на грани нервного срыва, когда, переворачивая страницу за страницей, он подсчитывал сумму с громким «Ва-а-ау!».

Он тут же вычислил, что это было от меня: на последней странице было изображение лысого парня, сложившегося пополам и буквально выкашливающего из себя деньги.

В то лето многое напомнило нам о том, что Юджи смертен.

Однажды утром я вошел в комнату и заметил, что при разговоре он прикрывает рот рукой. Вскоре стало понятно, что он сидит без зубных протезов – без них он выглядел очень старым. Протезы сломались, народ пытался убедить его в необходимости их починить, а он сопротивлялся, жалуясь на то, что от протезов у него болят десны. С того времени он начал утверждать, что его тридцать два зуба начали расти снова. Он доказывал, что врачи ничего не знают о старении и теле. Хороший предлог, чтобы не идти к врачу.

– Зачем детям ходить к зубному врачу, хотел бы я знать!

Он удалил зубы в начале восьмидесятых, потому что они шатались во время интервью на радио и телевидении в тот короткий период, когда он был «на публике», сразу же после смерти Джидду Кришнамурти. Теперь он утверждал, что новые зубы упираются в протезы и

поэтому он не хочет их больше носить. Шилпа и Нарен уговаривали его не отказываться от них: «Юджи, так ты похож на деревенского старикашку!»

Наконец он уступил, разрешив отремонтировать протезы в последний раз.

Еще как-то утром он рассказывал, что ночью его кровать сильно трясло. Сначала он подумал, что под кровать забралось какое-нибудь животное. Он слез посмотреть, но там никого не было, тогда он решил, что вибрация означала подступающую смерть. Он собрал все финансовые документы и пошел в «Луди Хаус», позвонил в квартиру Рэя, поскольку Шарон была доктором и, предположительно, могла знать, как поступать в подобных случаях. Он был готов умереть в любой момент, в нем не было ни капли страха. Они не слышали звонок или он не сработал, а поскольку он не хотел никого беспокоить, он вернулся домой.

Он не хотел никого беспокоить!

Люди со всех уголков земли приезжали, чтобы побыть с ним, чтобы помочь ему, сделать что-нибудь для него, а он боялся кого-нибудь побеспокоить. Но даже оставив этот момент в стороне, представить, что кто-то может стоять в ожидании смерти ночью на улице, было более чем странно, а он спокойно стоял и ждал свидания с хранителем времени – все документы в порядке, под мышкой, можно сразу подшивать в дело.

Пару раз после этого я замечал, как он смотрит вниз и шарит рукой под стулом, а затем спрашивает других, чувствуют ли они тряску.

Вечером, когда «лавочка закрывалась», он обычно шел домой в сопровождении толпы народа. Местные жители, несомненно, знали пожилого индийца, живущего среди них уже много лет, после того, как другой индеец перестал проводить беседы под тем навесом через долину. Он разговаривал с нами по дороге, временами останавливаясь, чтобы доказать свою точку зрения, в то время как группа дрейфовала вокруг него по мощеной дорожке. Невозможно описать, каким притягательным был этот невысокий человек в его кремовом наряде, с седыми, слегка торчащими сзади вверх волосами, шагающий расслабленно и неторопливо, болтающий с друзьями о том о сем или молчащий – никогда не праздный, никогда не делающий усилия.

Обычно я возвращался домой в темноте по тропинке вдоль полигона, через луг, вниз по лестнице, через реку Саанен на другую сторону. Среди деревьев было прохладно. После целого дня, проведенного в душной комнате среди жарких тел, ночной воздух казался невероятно приятным. Довольно скоро я уже мог ходить по этой тропинке почти в полной темноте. Иногда я садился на скамейку и вдыхал запахи свежескошенной травы, вечнозеленых деревьев и слушал звуки реки. Пару раз я даже засыпал на скамейке под шум реки и просыпался при свете луны, просвечивающей сквозь ветки деревьев, и мерцающих звезд. Я постоянно проверял, не изменилось ли что-нибудь внутри меня. Произошло ли что-нибудь? Ничего никогда не происходило. Ну или так казалось.

Каждый раз, когда я шел мимо квартиры Йогини, я смотрел вверх: вдруг она была на балконе. Иногда она там действительно была и замечала меня, и тогда мы махали друг другу рукой. Я всегда испытывал облегчение, застав ее в одиночестве.

Глава 17

«Сожгите это, сэр, и посмотрите, что появится в пепле».

Ярким осенним солнечным днем того же года я прибыл в Амстердам. Это был первый европейский город, который я посетил более десяти лет назад. Он остался таким же, каким я его помнил: каналы, выложенные булыжником мосты, извивающиеся улочки с мультяшными узкими высокими зданиями, склонившимися над водой. Юджи остановился у друга, с которым был знаком более тридцати лет. Квартира представляла собой холостяцкое жилище с одной спальней в современном бетонном здании рядом с центром города. Тянущиеся вдоль стен книжные полки были забиты книгами на духовную, философскую и религиозную тематику, однако, несмотря на столь богатую серьезную библиотеку, хозяин обладал прекрасным чувством юмора. Перед раздвижными стеклянными дверями, ведущими на крошечный квадратный балкон с видом на улицу, стоял стол с книгами на продажу, а на стене висели фотографии Раманы Махарши, Нисаргадатты Махараджа, известного продавца биди из Бомбея, и Юджи. Отличная компания. Юджи никогда не комментировал эти фотографии.

Когда я вошел в комнату, он буйствовал и стучал по стоящему перед ним столу:

– Я никогда не говорю себе, что это жесткое, а это мягкое!

Бам!

– Это тело никогда не регистрирует жесткое и мягкое. Пока вы не скажете сами себе «это жесткое, а это мягкое», вы никогда не узнаете разницу. Вы постоянно вешаете на все ярлыки. Это красное. Это синее. Это часы, это стул. Если вы хотите изменить название, у меня совершенно никаких возражений. Я переучусь. Моя бабушка говорила мне, что «небо голубое», а я сказал: «Нет!» Вы, люди, едите идеи и носите ярлыки.

Войти в комнату, где он находился, было все равно что открыть одну из его книг на первой попавшейся странице: слова сами по себе, никаких логически выстроенных конструкций, никакого медленного погружения, в одном предложении что-то возникает и тут же уничтожается. В каждом его действии присутствовал постоянный огонь жизни, сжигающий дотла гниющий труп человеческой мысли. Все, что от тебя требовалось, это сделать шаг вперед и быть сожженным на костре его ясности. К тому моменту все его фразы были мне уже более чем знакомы – значит, меня влекло что-то еще. Йогиня тоже была там, она, как обычно, сидела позади всех, привычно тихая, но дружелюбная.

– Это горячее. Это холодное... нет!

Кстати, хозяину приходилось страдать от жары в квартире. Юджи ставил обогрев на максимум, а Хенк потом незаметно уворачивал кран. Они спорили о комнатной температуре как старая супружеская пара. Хенк вежливо выслушивал все недовольство Юджи по поводу наших «больных идей о свежем воздухе», а потом тихо исчезал из комнаты и убавлял мощность. Через некоторое время Юджи это замечал и кричал кому-нибудь, чтобы включили обогрев на всю катушку. Затем кто-нибудь тайком открывал дверь, давая доступ свежему прохладному воздуху, а спустя еще какое-то время это обнаруживалось и дверь закрывалась.

Обычно нашим размещением в отелях занимались европейцы, что всегда заставляло меня переживать по поводу денег и сталкиваться с так называемым вопросом финансового контроля. Я ненавидел быть настолько зависимым от других, но выбора у меня было мало или не было вовсе. Плати или вали.

«Единственные отношения, которые у меня есть с другими, – это отношения с деньгами!»

Где бы мы ни были, если жилье и еду нам обеспечивали другие, в воздухе всегда висело напряжение. Юджи постоянно напоминал нам о правилах:

– Либо по-моему, либо по-вашему. Нет такого понятия, как «по-нашему».

То, как ты ведешь себя, оказавшись в подобных обстоятельствах, показывает, какой ты в отношениях с другими людьми, – не слишком приятное зеркало твоего чувства незащищенности.

– Вас никогда не подвергали испытаниям! – обычно говорил он, когда речь заходила о предположительно дружественных отношениях. Мы же подвергались испытаниям ежедневно, пытаюсь ужиться все вместе рядом с ним. В этот раз я хотел самоустраниться, просто чтобы «погордиться» собой. Переговоры с портье о моем переезде заняли почти час. Он был таким обдолбанным, что никак не мог взять в толк, о чем я ему говорю. Он повторял свой вопрос «Так что вы хотите?» с бездумной настойчивостью персонажа пьесы Беккета.

Я добросовестно перефразировал:

– Я переселяюсь в другой отель и хочу, чтобы комнату, зарезервированную на мое имя, отдали кому-то другому.

– Так что вы хотите? – спрашивал парень точно как Юджи.

– Я не буду жить в комнате, забронированной на мое имя. Я оставляю комнату другим людям.

– Так что вы хотите?

Единственный раз в жизни я имел только одно желание, но донести его до другого было невозможно, поэтому я оставил портье со звездочками в глазах стоять за стойкой и пошел за угол к другому отелю, стоившему на пять евро меньше, с ощущением, будто совершил великий подвиг.

*

Кто-то привел с собой на встречу к Юджи так называемого суфийского учителя. Когда они пришли, Юджи находился в спальне по соседству, а на его стуле в центре комнаты сидела двенадцатилетняя девочка. Суфийский учитель тут же завладел вниманием аудитории, объяснив, что нам крупно повезло присутствовать при встрече двух великих учителей. Юджи вошел и тихо сел в глубине комнаты, пока суфий при всех регалиях, в халате и тюрбане, продолжал свой монолог. Пытаясь подключить Юджи к разговору, друг спросил:

– Юджи, что вы думаете о суфизме?

– Религиозное дерьмо.

Суфийский учитель не мог не слышать этот комментарий. Завернувшись в халат, он тут же сдулся. Проповедь быстро зашла в тупик, и вскоре он попрощался со всеми и отправился в местный бар зализывать раны. Позже мы с Йогини и приведший суфия товарищ пили кофе в местной кафешке. Озадаченно улыбаясь, он вспоминал ситуацию и удивлялся вслух, зачем он вообще хотел кого-то познакомить с Юджи.

*

Некоторые из нас отправились с Юджи на юг, в Кельн, где его ждала группа побольше с «огромной кучей денег!», затем в Гштаад по его банковским делам, потом в Бавено – город на краю Лардо Маджоре, окруженный итальянскими Альпами.

Он остановился на квартире у итальянской пары. Дорога к их дому была очень крутой, и из их квартиры открывался невероятно красивый вид. Юджи задернул шторы: «Вот почему вы все слепнете. Ваша дурацкая театральная красота! Пока вы все наслаждаетесь своей дурацкой красотой, я вздремну».

Это было похоже на какой-то фантастический сон: все эти поездки на машине, все эти страны за один день, вся эта красота. Мы молча собирались вокруг него, слушали час за часом его несвязный разговор, затем загружались в машину и куда-нибудь ехали, и так снова и снова.

Во время поездки в машине он закрывал боковое окно страницами газет с рекламными объявлениями, аккуратно подтыкал их, чтобы не проникал свет, опускал козырек лобового стекла и слегка «вздremывал», как он это называл: голова его болталась влево и вправо, как у тряпичной куклы. Когда бы мы ни обедали в ресторане, он всегда садился спиной к свету или красивому виду.

Мы оставили нашего водителя в местном аэропорту, и новым водителем был назначен я. В машине находились Йогиня, Юджи и его друг из Германии.

– Ты хорошо водишь машину? – спросил он то, что нам всем еще предстояло выяснить.
– Конечно.

Едва машина тронулась, серое небо потемнело от нависших впереди над горами грозовых туч. К тому времени как мы выехали на шоссе, уже наступила темная ночь, и дождь лил как из ведра. У минивэна с высокой посадкой очень нестабильный центр тяжести, что очень заметно на поворотах. Я страшно нервничал. Подаваясь телом вперед на изгибах дороги, вылетая из бесчисленных туннелей в черный как смоль проливной дождь, я боялся, что в любую минуту ситуация может выйти из-под контроля.

Желая скрыть волнение, я не снижал скорость, двигаясь в одном потоке со всеми. Лишь спустя годы Йогиня сказала, что тогда я несея как сумасшедший. Я даже не подозревал об этом.

Юджи все это время сидел молча, его лицо ничего не выражало. Когда я бросил взгляд назад и увидел, что он дремлет и его голова мотается туда-сюда, я немного расслабился. Он забавно заваливался на одну сторону, но в тот момент, когда казалось, что он вот-вот упадет, выпрямлялся, а затем медленно и ритмично начинал съезжать на другой бок. Бывало, один раз глянешь назад – он сидит прямо, уставившись невидящим взглядом в темноту. А через минуту смотришь, он уже спит.

Мы приехали в Гштаад в два часа ночи. Я чувствовал себя необычно спокойно после такой стрессовой поездки. Попрощавшись со всеми, я отправился в местное шале, чтобы отдохнуть пару часов, прежде чем уехать на следующее утро в аэропорт на поезде.

Глава 18

«Эта структура порождена временем и действует во времени, но не кончается посредством времени».

С Йогиней, одетой в стильное кашемировое пальто, мы столкнулись в индийском посольстве: нам обоим нужна была виза на 10 лет. Мы пошли вместе пообедать. Оказалось, что примерно в одно и то же время в семидесятых и восьмидесятых мы ходили в школу в Филадельфии, жили недалеко друг от друга в девяностых. Когда мы стояли на улице, мимо нас прошла женщина с двумя детьми, и с чем-то похожим на вздох облегчения Йогиня сказала: «Это могли бы быть мои». По молодости она крутилась в довольно модных кругах среди людей, о которых я только слышал. Странно, у нас было столько возможностей пересечься раньше, но этого не произошло, а теперь мы где только не встречались. В данный момент она сделала перерыв в поездках к Юджи, чтобы побыть с отцом.

Она еще какое-то время собиралась побыть в Штатах.

На следующий день после Рождества я прилетел в Цюрих и оттуда отправился в Гштаад. По возвращении я обнаружил, что к нашему каравану присоединился еще один человек, старый друг Юджи из Калифорнии, который будет рядом с ним, с небольшими перерывами, до самого конца. Калифорниец был стройным тихим парнем, закрывшим свой ресторанный бизнес, чтобы проводить время с Юджи. Были еще несколько человек, которых я уже знал раньше. Юджи вел разговоры о том, чтобы поехать в Индию.

Сначала мы вернулись в Бавено, чтобы навестить итальянцев на озере Маджоре, где Юджи в 1967 году пережил «уход святых» в номере отеля недалеко от озера вскоре после «катастрофы». Он говорил, что тогда «те грязные ублюдки, религиозные преступники» были выдворены из его сознания.

Это было еще одно необъяснимое событие, о котором он рассказывал так же обыденно, как мы рассказываем о походе в овощной магазин: «Наконец, на озере появились три риши. Я сказал им: «Выметайтесь отсюда!»»

Перед ним возникли Мухаммед, Иисус, Сократ и «куча других, которых я не знаю...». Он словно встретился с ними на улице.

«Я их спрашивал: „Ты кто?“ – „Я – Иисус“. – „А ты кто?“ – „Я – такой то и такой-то“. Их было так много и они просто исчезли. Они не могли здесь больше оставаться. Был один приятель – очень симпатичный мужчина с длинным носом. Я спросил его: „Ты кто?“ – „Я – Мухаммед“, и он исчез!»

Позже он говорил, что именно от Джидду Кришнамурти он узнал об этом месте на озере. Джидду Кришнамурти бывал во всех эксклюзивных местах мира, и Юджи, кажется, знал о них всех. Снова чувствовалась какая-то его таинственная связь с человеком, к которому половину своей взрослой жизни Юджи так или иначе стремился, а вторую половину жизни проклинал. По дороге Юджи указал на тот самый отель, вспомнил, сколько стоил номер и как ему оставляли еду под дверь, когда он неделями не выходил из комнаты.

Вспоминая последствия своего опыта в «Ошибке просветления», он говорил:

«Ты возвращаешься назад к источнику. Ты снова в этом первозданном, изначальном состоянии сознания – назовите это «осознаванием» или как угодно. В этом состоянии вещи происходят, и нет никого, кто заинтересован, никто не смотрит на них. Они приходят и уходят своим чередом, подобно текущим водам Ганги: втекают сточные воды, наполовину сожженные трупы, и хорошие вещи, и плохие – все, – но эта вода всегда чиста».

Он говорил, что за мудрецами пошли святые и началась «целая мешанина» из структур и организаций. Если бы не это, мудрецы были бы полностью забыты: нечего было бы продавать. А так пришли святые и начали продавать массам истории о мудрецах.

*

Итальянцы предлагали широкий выбор экзотических мест, где можно было поесть или выпить чашечку кофе. Когда мы приходили в одно из таких заведений, Юджи обычно брал ньокки и, жуя тертый или мягкий сыр, подначивал нас по поводу того, что мы едим «двадцать пять блюд как поросята, свиньи и боровы в одном лице». Часто он оценивал внешний вид официанток и эффективность официантов: «Она хорошенькая?», «Она – сучка!», «Он такой ме-е-е-едленный! Если бы я был его боссом, я бы уволил его тут же!» Он делал комментарии, когда они едва ли могли его слышать, после чего оставлял чаевые. Особенно большие чаевые доставались тем официанткам, которых он определял как настоящих сучек, при этом он говорил нам: «Никто не должен служить другому, люди не должны работать. Еды на планете более чем достаточно, и если бы не ваш уродливый образ жизни, каждый бы получил причитающуюся ему долю».

Мы же просто переглядывались, пожимали плечами, улыбались и соглашались, когда он поносил нашу коллективную жадность.

– Мы с вами разворовали всю планету! – заявлял он, включая себя в число критикуемых. – Эта планета может прокормить 15 миллиардов людей. Нас всего 5 миллиардов на планете. Я вам говорю! Почему столько людей голодает? Я хочу знать! – Он сопровождал свои слова рубящим жестом руки.

*

Изрядно наездившись, мы направились назад в Гштаад через Альпы. Свежий зимний ветер превратил пейзаж в сверкающий свадебный торт.

Он планировал путешествие в Индию, но поскольку до поездки еще оставалось время, изводил нас вопросами о том, куда бы пока съездить. Он спрашивал, мы расшибали себе лбы, придумывая маршруты и объясняя, почему нужно ехать именно туда, а он одним махом уничтожал все наши предложения и доводы.

– Юджи, а куда ты хочешь поехать?

– Ты хочешь сказать, что если бы я знал, я бы спрашивал тебя?

– Как насчет Монтре?

– Мне без разницы, ты босс.

Раз за разом продолжался этот диалог по кругу, пока он неожиданно не заявлял, что он просто собирается «убраться из этого места!» и вопрос «куда?» его не волнует. Спустя секунды после объявления «мы едем» он осматривал всех и спрашивал: «Люди, вы чего ждете?», хотя пункт назначения так и не был выбран. В конце подъездной дороги он указывал рукой направо или налево, и мы отправлялись в путь.

Он часто жаловался: «Вы, люди, ограничиваете мою свободу передвижения».

Чем ближе к дате отъезда, тем сильнее он настаивал на том, чтобы я поехал с ним в Индию, поскольку ему нужна была моя помощь в «развлечении людей». Я тогда все еще продолжал пародировать народ, и мне его оценка льстила, но я понимал, что он – последний, кому нужна какая бы то ни было помощь. Если кто и нуждался в помощи, так это я.

Мы втроем – Калифорниец, Йогиня и я – жили в отеле «Кабана» в номере с двумя спальнями. Я никак не мог понять, что происходит между ними двумя. Казалось, что между ними было что-то большее, чем просто дружба, но при этом они спали в разных спальнях на проти-

воположных концах гостиной. Я спал на диване в гостиной, и мы, бывало, часами разговаривали о Юджи, пока я рисовал на журнальном столике.

Снег продолжал идти, и Юджи сделал меня ответственным за поддержание огня.

– Ты должен использовать три полена.

Пока я не сделал так, как он сказал, пламя гасло. Я гордился своими походными навыками, но почему-то они не помогали до тех пор, пока я не послушал его.

Ему нравилось выбрать кого-нибудь из исторических личностей и специально позлословить по его поводу. По поводу Эйнштейна он говорил: «Если бы я встретил этого шутника, я бы напал на него, а затем приковал его к камню железной цепью из нержавеющей стали и бросил в реку, чтобы даже труп его не всплыл!»

Не помню, почему он прицепился к известному гению – возможно, из-за его «грязных» теорий о пространственно-временном континууме или потому, что на нем лежала ответственность за открытие атомной энергии, приведшей в конечном итоге к созданию атомной бомбы. В любом случае развлечения ради я купил открытку с изображением Эйнштейна с высунутым языком и положил ему в рот купюру в сто франков. После того как Юджи выхватил купюру, я надел открытку на палку и поджарил ее на огне как зефирку. Юджи был доволен. На следующий день я купил открытку с Далай-Ламой и распял его на маленьком деревянном кресте с еще одной купюрой в сто франков. Он снова заграбастал деньги, и я бросил ее в огонь, распевая песню о белом слоне, занимающемся сексом с матерью Будды:

Меня зовут Долли Лама,
Юджи издевается над Будды мамой.
Я даю сто долларов,
Остановите это или я завоплю.

Мы немного посмеялись. Потом он захотел увидеть мой обратный билет. Раньше тем же днем по пути на стоянку магазина «КООП» в Гштааде я погрузился в мысли об Индии... Ехать или не ехать?... Когда мы шли по тротуару рядом с магазином, он внезапно схватил меня за руку и, пристально глядя в глаза, резко произнес: «Ты просто продолжай и продолжай!»

Сидя у огня, он попросил показать ему мой обратный билет. Я протянул его. Юджи имел привычку изучать документы очень тщательно. Несколько раз просмотрев его вдоль и поперек, он заявил, что билет дешевый, и предложил сжечь его.

Я бросил билет в огонь.

– Смотрите! Смотрите! – сказал он остальным. – Как у тебя с головой?

– Хорошо. – Я просто засмеялся.

Затем я потратил немислимую кучу денег на билет туда-обратно до Бангалора. Такова была «экономика Юджи». Для чего еще нужны деньги? Он всегда говорил, что деньги должны перемещаться из одного кармана в другой – предпочтительно, чтобы они перемещались из наших карманов в его; тем не менее я видел, как он обращается с деньгами, и, по-моему, у него это получалось очень хорошо. У меня были деньги, так почему бы их не потратить? В конце концов, может быть, это была последняя возможность видеть его в Индии.

С приездом Йогини в Швейцарию враждебность между нами усилилась. Она дергалась по поводу Калифорнийца и того, что я живу в одной комнате с Немкой. Я переживал из-за ее непонятной «дружбы» с Калифорнийцем. Между ними то и дело случались напряженные разговоры по телефону, и днем воздух в комнате просто искрился. К тому моменту как мы добрались до аэропорта во Франкфурте, ситуация значительно ухудшилась. Каждую минуту возникали и рушились новые коалиции.

Глава 19

«Ты хочешь продолжаться, возможно, на другом уровне, действовать в другом измерении, но ты хочешь каким-то образом продолжаться».

В декабре 2003 года около двух часов утра наша небольшая компания, пошатываясь, вышла из самолета и оказалась в объятиях влажного бриза в старом международном аэропорту в Бангалоре. Чандрасекар, Сугуна и Маджор забрали Юджи к себе, а нас отправили на такси в отель.

После шикарных, обитых деревом швейцарских апартаментов зеленый флуоресцентный свет, прыгающий по цементным стенам, казался невыносимым. Проворочавшись на бугристом матрасе всю ночь, я так и не смог заснуть после перелета и смены часового пояса. Да и номер был больше похож на эхо-камеру, чем на комнату в отеле: всю ночь я слушал звуки улицы и лай дерущихся собак. Постепенно цементные стены становились все более светлыми по мере увеличения потока авторикш на улице, перемежавшихся с разносчиками товара. Я встал, умылся над крошечной раковиной и с неприятным чувством в животе отправился в вестибюль отеля. И снова все те же лица, только в другой обстановке.

Сидя на диване с шести утра, Юджи разговаривал со своими друзьями, ждавшими его приезда весь год. Он был источником их надежды и отчаяния, крушащим все вокруг, яростно палящим привычными фразами. Прервав на короткое время свой монолог, он поинтересовался, насколько хорошим был отель и как нам здесь спалось. Затем он сказал, что друг, у которого он остановился, арендовал для иностранцев дом неподалеку, и предложил нам переехать туда.

Митра Вихар представлял собой один из домов в Бангалоре, построенных на американские доллары откуда-нибудь из Нью-Джерси или Силиконовой Долины. Это было такое же цементное здание, как и любое подобное ему в пригороде, с той лишь разницей, что на кухне и в ванной имелся электрический водонагреватель. Какой-то человек принес раскладушки и постельные принадлежности, и мы начали заселяться. Шорти и Йогиня заняли две спальни на верхнем этаже. Мы с другими мужчинами остались внизу. Калифорниец занял единственную спальню на нашем этаже, и я оказался по соседству с ним в столовой с примыкающей к ней крошечной комнатой для пуджи, похожей на клозет.

Калифорниец имел интеллигентный вид, был стройным, медленным и спокойным. Как-то раз, еще во время нашей первой встречи в Италии, прогуливаясь вечером у озера Маджоре, мы с ним говорили о Юджи. Потом разговор зашел о Йогине и я косвенно намекнул на некоторые «взаимодействия» между нами. Я понимал, что хотя и вычеркнул себя из этой истории, покоя мне не будет. Йогиня была не из тех, кто позволял себя игнорировать. Одной ее внешности было достаточно, чтобы мои мысли постоянно крутились вокруг нее, а тут еще соблазнительный язык тела и выраженная сексуальность.

Каждый вечер он на пару часов поднимался к Йогине, а мне приходилось бороться со своими внутренними демонами этажом ниже.

Что я мог поделать? Сначала я, теперь другой. Это сводило меня с ума. Типичный случай.

Однажды поздно вечером я пошел слоняться по улицам в состоянии острой жалости к себе. Я надеялся найти какой-нибудь другой отель, но тщетно. Измученный, тоскующий по комфорту своего дома, находящегося в нескольких тысячах миль отсюда, я вернулся в привычное состояние. Как говорил Юджи, когда ты не получаешь того, что хочешь, любовь превращается в ненависть. Я соскальзывал в ненависть стремительно и тем быстрее, чем больше ее внимание было направлено на кого-то другого. В Индии меня просто накрыло.

Выражение «Как постелешь, так и поспишь» сподвигло меня перетащить сложенный пополам матрас в крошечную комнатку для пуджи, где я, свернувшись калачиком, попытался заснуть. На следующее утро я оставался в своей тесной темнице, пока все не ушли, и только после этого пошел в ванную. Приняв душ в дальней ванной комнате, я оделся в привезенную из Швейцарии зимнюю одежду и пошел на улицу. Так я сходил с ума еще три дня, пока не вернулся наконец в комнату и не начал спать на складной кровати с москитной сеткой вокруг почти как человек.

Каждое утро начиналось одинаково: Юджи болтал, а мы сидели вокруг него, пребывая в утреннем ступоре каждый в своей степени. В семь часов Сугуна подавала кофе и приглашала всех на завтрак. Она кормила свою семью, Юджи и всех гостей и друзей, которые к нему приходили. При виде Юджи она заплакала. Его зубные протезы снова сломались, и в итоге он вообще выбросил их несколько месяцев назад. Это очень сильно отразилось на его внешнем виде. Тогда, сразу после «катастрофы», он, наоборот, выглядел гораздо моложе своих лет. Это было видно и на фото тех лет, и на большинстве видео. Потом даже в свои семьдесят с хвостиком он был полон сил и энергии. И все-таки возраст догнал его. Еще в прошлом году он выглядел много лучше.

– В конце концов, есть такая вещь, как процесс старения, – говорил он, когда люди реагировали на изменения его внешности.

– Юджи, что случилось? Ты сильно сдал!

– Ничего со мной не случилось! Я выкинул свои протезы, поэтому теперь-то мои тридцать два зуба смогут вырасти снова! Эти грязные доктора превратили вас в дрожащих цыплят! Посмотри, у меня даже цвет волос восстанавливается! – говорил он, показывая оставшуюся среди седых волос темную прядь на затылке.

Он делал эти абсурдные заявления и сопротивлялся любой попытке накормить его чуть больше, чем он хотел. Он стал таким худым, что Сугуна боялась за него. На языке телугу она упрашивала его съесть хотя бы еще одну рисовую лепешку.

– Нет! Когда становишься старше, важно сбросить вес. Тогда помирать легче будет!

От одного упоминания о смерти у нее на глаза наворачивались слезы.

– Я прожил достаточно долго и наслаждался всеми привилегиями, которые этот мир мог мне предложить. Я готов уйти в любое время!

Это была правда: он прожил замечательную жизнь и не собирался потакать желанию продолжить ее. Когда возникла эта тема, наш страх потерять его можно было почти потрогать руками. Каждый чувствовал себя ответственным за него, упуская из внимания тот факт, что он подчинялся только своему телу и ничему больше.

В первое же утро он отвел мне роль придворного шута, когда представил всем как агента ФБР. До сих пор люди, с которыми я встретился тогда, продолжают меня спрашивать о моей несуществующей работе в Бюро.

– Ты сегодня уже подал рапорт?

– Я работаю над ним.

– Ты сказал обо мне что-нибудь хорошее?

– Как можно? Вы – угроза нашей национальной безопасности.

Представляете, какое это производило впечатление, учитывая политику США на Среднем Востоке? В годы правления Буша террор был главным средством убеждения. Подавляющее большинство европейцев боялось не столько террористов из третьих стран, сколько самого Буша. Индия более благосклонно относилась к американской политике, поскольку та способствовала появлению на рынке рабочих мест в сфере услуг.

Я работал на сцене весь день. Утро всегда начиналось с кофе, за ним следовало долгое и напряженное сидение в одной позе. Нам очень повезло, что мы могли находиться рядом с ним, но за все приходится платить, и он использовал меня для развлечения толпы максимально

недуховными методами. Агент ФБР, комик, мим – это была его новая игрушка, которую он использовал для того, чтобы не дай бог никто не подумал, будто он святой. Одним это очень нравилось, другие ненавидели его за это. Только годы спустя стало ясно, как сильно отличалась та его поездка от всех предыдущих. Чем абсурднее становился наш театр, тем безумнее произносились диалоги.

Поскольку мои мысли постоянно крутились вокруг Йогини и Калифорнийца, это отвлечение было для меня настоящим благословением. Вместо того чтобы сидеть на полу и томиться, я был вынужден развлекать народ практически постоянно на протяжении всей поездки.

– Сделай что-нибудь! – говорил он, хлопая меня по руке раз за разом.

Я должен был придумывать глупые песни, пародировать – все, как обычно. Не было никаких поездок, а если и были, то совсем не много по сравнению с тем, что мы творили на Западе. Я не был на его встречах в Индии раньше, поэтому даже не знал, на что это могло быть похоже, но часы, проводимые им на диване в беседах, удесятились. Он просто говорил, не прекращая. Единственными перерывами в течение дня были лишь короткие моменты, когда он задремывал. Инстинкт самосохранения у него отсутствовал. Часто голос становился хриплым от постоянных разговоров, иногда он словно стучал по ушам молотком, вызывая одновременное ощущение боли и блаженства, и мне хотелось что-нибудь придумать, чтобы дать ему перерыв. Заметив, что голос садится или веки тяжелеют, я мягко заводил колыбельную:

*Баю-бай, Юджи, засытай в большом кресле,
Здесь никого нет, пока ты говоришь,
Никто не понимает, о чем ты говоришь,
Мы все сидим вокруг тебя, и в наших головах полно дыр.*

Вскоре он начинал зевать между словами, как ребенок, проигравший битву в борьбе со сном, под мою колыбельную, которую я пел на предложенный Йогиней мотив песни «Мерцай, мерцай, звездочка». Срабатывало здорово. Я сочинял стихи о том, как мы арендуем машину, чтобы лететь в космос, а люди, заботясь о нем, как о ребенке, делали все возможное, чтобы в комнате стало тихо. Его друзья были как одна большая коллективная мать. Было в нем что-то абсолютно невинное. Его голова падала на грудь, затем выпрямлялась, сопротивляясь сну, как это бывает у детей. Иногда голова опускалась на мое плечо, и он дремал. Мягко и нежно я пел как можно дольше, чтобы дать ему возможность поспать. Потом он, вздрогнув, просыпался, извинялся: «О, простите», и безумие начиналось снова.

*

Вечером до одиннадцати часов у него было спокойное время, которое он проводил с семьей, а на следующее утро в пять часов снова был готов заводить эту карусель.

– Не цитируй источник, ты сам оригинал!

Если вдруг возникало временное затишье, он приносил ссылки, взгромождал один из огромных томов себе на колени, пролистывал их и что-нибудь зачитывал вслух. Он мог читать их часами для тех, кто не смог вовремя исчезнуть из комнаты. Это не было ни обсуждением, ни диалогом – нельзя сказать, что это было бессмысленное занятие, но сказать, что в нем было много смысла, тоже нельзя. Ссылки представляли собой бесчисленные заметки о нем, Джидду Кришнамурти, Рамане Махарши, поп-группах, порнографии, науке и фантастике. Он забавлялся идеями и образами, с которыми люди его ассоциировали, тасовал их туда-сюда, потом оставлял их и переходил к следующей странице и читал другой отрывок, уделяя равное внимание дате, времени поста и самому содержанию текста. При взгляде на него возникало ощущение, что он рисовал для нас на доске нашего коллективного слушания образ себя, подсмотренный в головах других людей, а затем стирал его и начинал заново. После сравнения себя с

компьютером или парковочным местом (в Швейцарии и Германии парковочные места нижних уровней обозначаются знаками U.G. или Untergeschoss), или со святым или с поп-звездой он захлопывал книгу, бросал ее на стол, говорил: «Довольно!» и просил стакан воды.

В Индии люди задавали больше вопросов. Он обычно отвечал что-нибудь совсем не в тему.

– Это не твой вопрос!

Но не задавать вопросы было невозможно, потому что только вопросы у нас и были. Если кто-нибудь продолжал настаивать и спрашивать, он советовал сходить куда-нибудь на вечер вопросов и ответов. Дискутировать он не любил.

«Почему мы до сих пор задаем те же самые вопросы? Итак, это не ответы. Если бы они были ответами, вопросов бы не было. Тот факт, что мы все еще задаем вопросы, означает, что они не являются ответами. Итак, *решения*, предложенные для наших проблем, не являются решениями. Иначе почему бы проблемы оставались проблемами?»

Вам ничего не оставалось делать, как спрашивать, а ему ничего не оставалось делать, как разочаровывать вас, давая ответы, ведущие в никуда. Ни один ответ не может помочь вам вылезти из болота мыслей. Каждый вопрос содержит в себе ответ, если только это не вопрос технического характера. «Вы пытаетесь использовать обычный метод вопрошания, чтобы получить то, что, как вы думаете, есть у меня, но это не тот способ».

– Слово «как» нужно исключить из языка! В этой местности проблема именно в «как»!

*

Он представил гостям свои Максимы денег со 108 фразами, созданными для просветления наших кошельков. Довольно скоро песни о деньгах распевали все.

– Мои Максимы денег, они такие популярные, лучше любых книг, они везде, даже в университетах. Кандидаты в президенты обсуждают их! Как там его имя? Керри и Эдвард со своей женой полчаса обсуждали их с моим хорошим другом там, в Калифорнии. Но та сука – жена миллиардера, сбежала, когда услышала их!

Американская президентская гонка была в разгаре, и он не забывал упомянуть об этом, чтобы «продвинуть» себя. Он был совершенно уверен в своей несуществующей славе.

Когда Юджи развернул свой цирк с песнями и плясками на всю катушку, хозяева жилья начали заметно волноваться. Толпы людей становились все больше, многие приходили просто развлечения ради, а Юджи все усерднее использовал мое кривлянье для того, чтобы отвлечь народ от его духовных занятий.

Сугуна, хозяйка дома, могла часами стоять на пороге кухни, озадаченно глядя на все происходящее. Ее жизнь представляла собой постоянное перемещение между гостиной и кухней или столовой. Всегда тихая, немногословная, всегда в работе. Когда она радовалась, ее улыбка освещала всю комнату. Ее преданность Юджи была абсолютной, в течение сорока лет он занимал главное место в ее доме. Она познакомилась с ним как раз накануне свадьбы с Чандрасекаром, он сопровождал их из дома в дом, он оставил им на попечение Валентину и заботился о том, чтобы они ни в чем не нуждались. Он был там, когда рождались дети. Когда их дочери было отказано в приеме в университет на основании того, что набор закончен, он сказал: «Кто они такие, чтобы говорить «нет»?», и на следующий день пришло письмо, в котором было сказано, что освободилось одно место и она будет принята.

А теперь Юджи, каждый раз пробираясь сквозь толпу людей в комнату, советовал их внуку выполнять одну из его десяти заповедей: «Ненавидь мать твою, бей суку!» Народ замирал. Услышав предложение ударить мать или бабушку, в зависимости от того, на чьих руках он сидел, ребенок отодвигался назад с криком «Нет!» или начинал плакать, если Юджи пытался

подтолкнуть его к действию. Каждый день, как только Юджи замечал мальчика, шагающего через комнату на руки к бабушке, он кричал:

– Возвращайся в Америку! Возвращайся в Америку!

– Нет.

– Я сказал, поезжай назад в Америку!

– Н-е-е-е-т!

К тону голоса у мальчика добавлялся дерзкий взгляд черных сверкающих глаз.

С течением времени глупостей становилось все больше. Однако у меня было ощущение, что эта глупость – только отвлекающая поверхностная пена, прикрывающая глубокое озеро спокойствия, тотчас возникавшее там, где появлялся Юджи. В любой из комнат, где он находился, присутствовало что-то неуловимо сладостное и умиротворяющее.

Чандрасекар довольно спокойно относился к происходящему в доме. Правда, изредка он выходил из себя, но при том нарастающем по спирали безумии я не могу придумать ни одной причины, почему бы это должно было быть по-другому. Юджи обычно кричал ему через комнату, что ему срочно понадобилось что-то из его комнаты наверху. Несмотря на свою забинтованную ногу, Чандрасекар, шаркая ногой по полу, тащился наверх. Часто к тому моменту, когда он возвращался, Юджи уже не нужна была та вещь, которую он требовал от Чандрасекара с такой настойчивостью всего лишь несколько минут назад. Затем следовало следующее оскорбление: «Это Лэндмарк Форум сделал его таким медленным! Он был очень шустрым парнем. А теперь посмотрите на него!»

В перерыве между поручениями Чандрасекар исчезал в офисе, находящемся за гостиной, пока Юджи снова не требовал у него сходить за чем-нибудь наверх.

– Он очень талантливый парень, но он такой ме-е-е-е-дленный!

Атмосфера комнаты менялась, когда Чандрасекар пел посвященные Юджи полные сердечной мольбы песни. У него был талант певца. Когда он пел, в воздухе чувствовался дух настоящего древнего индийского поклонения. Его песни и переводы воскрешали в памяти историю его поисков, разочарований и борьбы с черной дырой абсолюта, предлагаемой Юджи. Он встретил Юджи, еще будучи молодым, и теперь весь опыт своей жизни со всеми его устремлениями, преданностью, неудовлетворенностью и печалью он с огромным чувством проживал в этих песнях. Чандрасекар знал традиции индуизма, соблюдал их ежедневно и был преданным, поэтому его песни давали возможность посмотреть на слова Юджи с несколько иной перспективы и увидеть, насколько тотальным было отсутствие надежды: не разбирающим своих и наших, не дающим никому никакой гарантии на получение того, что было у Юджи.

Ты можешь стоять на голове, а можешь каяться,
Ты можешь своей силой стирать горы в порошок,
Ты можешь обладать всеми йогическими силами и сиддхами,
Ты можешь быть очень богатым и иметь кучу денег,
Ты можешь быть очень хитрым, ловким, коварным,
Ты можешь знать все Веды и шастры,
Ты можешь быть очень набожным, с открытым любящим сердцем,
Ты можешь молить о милости,
Но ничто из этого не поможет достичь тебе этого состояния,
Даже одному из миллиарда не дано достичь этого состояния,
Постоянно утверждая этот факт, говорит, что у тебя нет выхода,
Юджи, истинный видящий, милый сердцу Чандрасекара.

«Как нам понять тебя?» – молил он в своих песнях. Ответ Юджи приходил тут же, и он не оставлял никакой надежды: «Просто забудьте об этом, у вас нет шанса!»

Глава 20

То, что «Бог» символизирует, уже и так содержится в человеке – вне человека нет силы – и она должна выразить себя по-своему.

В Бангалоре к нам снова присоединились Сидд и Кара, на этот раз с человеком, который когда-то познакомил их с Юджи. Смерть уже несколько раз подходила к Бабе очень близко, но, услышав о приезде Юджи в Индию, он приободрился и попросил взять его с собой в Бангалор. Для поддержки при ходьбе ему требовалась пара рук, и услышать его приближение можно было за полквартиры. Он занял место рядом с Юджи, держал его руку, целовал и гладил ее. Он часами воздавал хвалы Юджи и множеству других «прекрасных милых людей» (многие из которых были привлекательными молодыми девушками).

Хотя Юджи сам отказывался заниматься духовным бизнесом, он призывал некоторых идти по этой дороге, если видел, что у них есть к тому талант, и верил в него, как это было в случае с Бабой. Других он отговаривал от духовной практики, понимая, что для них это будет напрасной тратой их талантов. Похоже, для него не было разницы между духовным и каким-либо другим бизнесом: и то и другое давало средства к существованию, а поскольку его не интересовал ни один из бизнесов, то и мнения с точки зрения морали у него ни по одному из них не было.

Бхаскаррао был высоким худым индийцем, носившим белые одежды и шерстяную шапочку, натянутую на самые глаза в целях защиты от солнца. Он закидывал голову назад и смотрел на мир через кончик носа взглядом рассеянного профессора. Будучи немного моложе Юджи, он провел годы своей юности рядом с Раманой Махарши. Кажется, они были давними друзьями. Юджи обычно звал его сесть рядом с собой на диван и просил почитать по руке. Бхаскаррао, речь которого представляла собой самое неразборчивое бормотание, которое мне когда-либо приходилось слышать, с шумом поднимался и, похихикивая, что-то радостно бубня, с видом притворного непонимания подходил к нему. Когда он аккуратно и нежно брал руку Юджи, единственное, что я смог разобрать, было: «Я не могу ничего сказать о руке, подобной этой, Юджи! Она содержит в себе все, это произведение небесной красоты. Ты слишком необычен». «Ах-ха-ха-ха, – слегка протестуя, отвечал Юджи, – не пытайся умничать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.